

ВАШ ВЫХОД, МАЭСТРО!..

(часть вторая - обещанное продолжение)

Милый друг читатель! В отличие от первой части этой книги, где каждое описываемое событие было определено как в высшей степени правдивое и достоверное, автор считает своим долгом предупредить, что оставляет за собой право скрыть подлинность или надуманность некоторых фактов, событий и персонажей, появляющихся на страницах новой книги. Таким образом, автор снимает с себя всякую ответственность за любое сходство, обнаруженное читателями. Ну а если Вы заподозрите, что история чересчур правдива и в каком-то персонаже слишком явно почувствуете себя, так Вам и надо! Как говорится, на воре и шапка горит...

На Карловом мосту пронзительно звучал саксофон. Звуки уплывали в сгущающуюся темноту, подобно фыркающим дельфинам ныряли в воды серебристой Влтавы и выплывали на поверхность небосклона первыми звёздами, то ярко-зелёными, а то вдруг бледновато-жёлтыми... Музыка переливалась и неслась, очаровывая и увлекая за собой. Над толпами приезжих, мимо Орлёя, выше спилей кафедрального собора Святого Вита, над крышами Королевского дворца. Невесомость слышалась в ней. Щемящая невесомость птичьего полёта. А волны накатывались беспрерывно, гордые и неторопливые, но и такие безоружные в своей открытой грусти. Звонкой, светлой, манящей и играющей, но всё-таки грусти.

Кто он, тот, который извлекал эти с надрывной хрипотцой чарующие звуки? Праздный интерес к неведомому музыканту, возникающий сразу, почти так же сразу и исчезал. Оставались только звуки, ранящие, искромётные, переворачивающие всё внутри так, что вот оно... вот... уже подкатывалось... подкрадывалось... сдавливало горло нестерпимым комом... И уже не шелохнуться, не вздохнуть...

А ещё – оставалась мелодия. Как остаётся любимая женщина. Навсегда, с тобой. И ты понять не в состоянии – за что тебе такое счастье? Разве ты его заслужил? Разве испил до конца свою чашу?.. А ведь если разобраться, не такая уж и горькая была она, эта чаша. А если вдуматься, не так уж и много всего было... гораздо хуже, если тебе всё это снится сейчас, и ты поверишь... Поверишь, а потом проснёшься...

Да, так о чаше. Перегибаешься через перила, всматриваешься в неё, в бездонную чашу, и видишь мир наоборот. Мир бурлящий, пенящийся, в пёстрых огнях, но всё-таки наоборот. В нелепом отражении фонарей и афиш, сонно подрагивающей ранней осенней листвы в тёмно-лиловых прядях напоённого волшебными звуками неба...

У него типичные чешские имя и фамилия, которые, не смотря на схожесть наших языков, абсолютно не терзают слух его соплеменников. Ма́цал Ко́шек. Но это ещё не всё. Он - ветеринар. Да, и последний штрих к

портрету, если не понятно. Мáцал – это имя. Ни имя, ни фамилия, как я уже говорил, никого здесь не смущают, потому как не означают ни то, ни другое. Кошка по-чешски вообще «кочка»; что же касается имени... нет, неведом мне такой глагол в чешском. Да и вообще, простоват для чешского языка будет. Хоть язык этот высокопарным не назовёшь, но все, от сантехника до профессора, изъясняются довольно литературно. Выражения типа «Само собой разумеется» и «Имеет ли смысл это делать?» здесь являются нормой разговорного языка, не в пример нашим суржикам...

Так вот, Мáцал рассказал мне историю, после которой я понял, что если когда-нибудь придётся мне жить за бугром, это будет непременно здесь... Почему? Ну, если коротко: дивная биоэнергетика, Карел Готт (певец, кумир моего детства), и эта история, которую поведал мне Мáцал Кóшек.

Летом 2002-го года в Праге был сильнейший потоп. Влтава вышла из берегов и залила всю низину. Срочно эвакуировали жителей Чертовки (её ещё называют Пражской Венецией) и других прилегающих районов. Но это потом. Потому что сначала сами эти жители помогали эвакуировать зоопарк, который, по несчастью, тоже располагался в низине. И даже успели спасти почти всех животных... кроме маленького слонёнка Рави, который захлебнулся и утонул... На следующий день после гибели Рави по всей стране были вывешены государственные флаги с чёрными ленточками, а по радио играла только классическая музыка...

Интересно, ещё где-то такое возможно?

3

Затих саксофон, последние звуки которого растворились в мутных водах полуночной Влтавы. А мелодия ещё долго блуждала в воздухе и вела за собой узкими улочками никогда не засыпающего города. И особый аромат тайны улавливался во всём. Незнакомый, непредсказуемый, неведомый и оттого неповторимо сладкий, словно запретный плод с ветхозаветного дерева...

Последний автобус на Брно давно и безнадёжно ушёл, денег в кармане – не то что на приличную гостиницу - на жалкую ночлежку не

хватило бы. И это к счастью. Потому что судьба дарит уникальную возможность – ночь наедине с собой. Ночь без сна в сентябрьском обаянии старинных улочек Праги.

Гид, которого я слушал вполуха, рассказывал что-то о великих композиторах, философах, писателях-романистах, в ветре шелестели имена – Франц Кафка, Вольфганг Амадей Моцарт, Ярослав Гашек, Бедржих Смётана... Их можно понять. Находясь здесь, нельзя не писать, не творить. А живя постоянно – тем более. Иначе, зачем?..

«Побудь со мной, - попросила она. - Зачем тебе ночной поезд? Да и денег, наверное, не хватит..» - робко, с затаённой надеждой шепнула мне. Я всё ещё колебался – до вокзала каких-нибудь двести метров. Но она тихонько, нет, даже не упрекнула – на участь свою несладкую посетовала: «так мало времени мне уделяешь...». И я остался. А когда ещё, правда, будет такая возможность?..

Мы бродили часами наугад, вдыхая божественный аромат бархатной пражской ночи, а потом, через Нерúдову улочку и Малострáнскую, вернулись на Карлов Мост – как оказалось, единственное в этот час безлюдное место. Так и простояли до рассвета, под тихий плеск воды, озарённые молодой луной. Прислушиваясь друг к другу. Я и она. Моя душа.

4

- Когда-то я это сделал... ты знаешь. Ради тебя, ради себя... не важно. Сделал и всё. Теперь всё по-другому. Другая жизнь. У тебя семья... - Игорь явно подбирал слова. – Я ничего не жду. Пусть это будет твоё решение. Или ваше, так правильное.

Он никогда не страдал многословием, и для него это был целый монолог, довольно длинный.

Мы сидели у меня на кухне. Сгущались сумерки. Хотелось что-то такое сказать... главное... нужное нам обоим... Язык прилип к нёбу. Слова не шли.

В 15 лет мы познакомились, когда поступили в техникум. Он тогда дружил с Саней Ищенко, с ним приходил, с ним уходил, с ним тусовался на переменах. А потом, как я уже рассказывал в первой части, Саня погиб, выбросился с восьмого этажа, и никто не узнал причину.

Впервые мы заговорили после похорон. Игорь тогда признался, что боится спать один в своей комнате, и на эту ночь попросится к родителям...

На дворе стоял 1981-й год. «Железный занавес» так плотно был задёрнут, и на советских границах такие были замки, что спать точно можно было спокойно: никто не войдёт, никто не выйдет. Семье Игоря каким-то чудом удалось просочиться – у них было разрешение на выезд в Израиль, и отец Игоря уже собирался увольняться с работы. Дальше подавались документы в ОВИР, и всё... при наличии разрешения процедура дольше, чем на год не затягивалась.

Наше знакомство всё изменило. До сих пор не понимаю, как ему, пятнадцатилетнему парнишке, удалось уговорить родителей отменить решение об отъезде... Одно было понятно: основной причиной был я...

Мы расставались самое большее на две-три недели летом, но и тогда умудрялись обмениваться несколькими довольно увесистыми письмами.

Потом была армия. И письма были почти ежедневными. Почта работала плохо, с перебоями, и письма приносили иногда просто пачками, вскрытые, измятые, вычитанные вдоль и поперёк чьими-то липкими глазами, но приносили. И они, эти письма, помогали выжить...

Потом была встреча... Игоря мама смеялась и говорила что если бы кто-то из нас родился девочкой, все проблемы с нашей семейной жизнью были бы решены. Но никто из нас не был девочкой; мы оба были уже вполне взрослыми мужиками, узнавшими какой бывает жизнь, не из книг... И оставаясь неразлучными, уже в новой, взрослой жизни, в поисках счастья, пошли каждый своей дорогой. Я поступил в пединститут, Игорь – в политехнический. А потом, спустя два года, меня поиски этого самого счастья привели в Центральный ЗАГС – вместе с той, которую считал своей и навсегда. Игоря – в районный, а впоследствии и городской ОВИР - воплощать в жизнь давнишнюю мечту об отъезде.

И он был прав. Я – женатый мужчина, и, хочу я этого или нет, готов к этому или нет, у нас с женой своя, отдельная жизнь. Он уже не мог раствориться во мне, а я – в нём. Но когда он об этом заговорил впервые... нет, я не смогу это описать. «Ушла земля из-под ног» - сказать так – значит ничего не сказать...

В те благословенные годы с людьми, уезжающими *туда*, прощались навсегда... Приходили, правда, письма, но с годами всё реже...

- Я хочу, чтобы ты понял. Я есть. Я буду. И недалеко. Это же не край света – всего две с половиной тысячи километров. Ты, например, служил гораздо дальше... Я тебе буду слать письма через день, хочешь? А потом... может, созреете, приедете, в одном городе жить будем. У тебя, кстати, индекс изменился, так ты мне скажи, а то прошлое письмо, ну то, помнишь, что я летом из Кисловодска тебе отправил...

- Что же нам теперь делать? – вырвалось у меня. – Что делать нам, Игорёк?!

И в комнате на минуту повисла тишина...

- А что делать! – вдруг бодро изрёк Игорь. – Пойдём иврит учить!

5

Скоро сказка сказывается, да нескоро дело делается... Иврит мы пошли таки учить, но спустя год, когда у них все пути для отступления были отрезаны – с работы уволились, квартиру за бесценок отдали соседям, визы в паспортах стояли.

Так, 15 сентября 1990-го года началась новая веха в моей жизни. Бэлла Анатольевна, учительница музыки по классу скрипки, за год освоившая иврит на таких же частных (или, как они именовались тогда, «кооперативных») курсах, была нашей первой и незабываемой учительницей иврита.

«Шалом! Здравствуйте, друзья мои! Сегодня мы с вами начнём изучать великий древний язык, корни которого уходят в глубину веков. Зовут меня Бэлла...» Свою первую учительницу иврита я всегда вспоминаю с таким чувством, с каким, наверное, вспоминают первое свидание или первый поцелуй... Вот уже который год (подумать страшно!) свой первый урок в новой группе я начинаю словами «Шалом! Здравствуйте, друзья мои!» Сегодня мы с вами начнём изучать великий древний язык, корни которого уходят в глубину веков...»

В иврит я влюбился сразу, понял, как это интересно – незнакомые буквы-крючочки, непривычные слуху слова... А ещё – я почувствовал музыку... ну, как это объяснить... странную, чудесную, обволакивающую, пленяющую музыку неведомого мне доселе восточного гортанного языка.

Это уже гораздо позже, из теории языкознания я узнаю, что есть такой термин «звуковой гештальт». И ещё возможно то, что называют генетической памятью...

Но тогда я ничего такого не знал. Я был просто очарован и увлёкся...

Прошло несколько месяцев. Игорь уехал, я развёлся с женой. И, чтобы хоть как-то отвлечься от всего, что на меня навалилось, ожесточённо, почти фанатично изучал иврит, слушал радиопередачу «Голос Израиля из Иерусалима» на иврите, выуживая из речи отдельные знакомые слова; через день писал Игорю письма, по нескольку раз на день бегал к почтовому ящику...

А 15-го мая 1991-го года, то есть ровно восемь месяцев спустя после моего первого урока, вошёл в класс в совершенно новом качестве – преподавателя языка иврит. И с тех пор профессию уже не менял...

6

Хачатур Владимирович на вводном инструктаже (ой, сколько их у меня уже было! а сколько ещё будет!) предупреждал:

- Многа-панімнога (мало-помалу) привыкниш, поняль, да? Ти четыре года здэсь работаль. Так гаварышь. И гаварышь так, что цибе вэрят людзи!

У Хачатура Владимировича есть несколько выражений, которые делают его неповторимым, а его уроки (Хачатур преподаёт английский) – незабвенными. Кроме «многа-панімнога», он ещё говорит «волей-паниволе».

- Слушай, волей-паниволе начинаишь думаць: что дзэлаць, кагда всэ уедут? Кто учица пайдёт?

Ещё одно классное выражение «Илы асёл здохнит, илы хазаин – адно из двух!» (как икается Ходже Насреддину!).

- Хачатур Владимирович, как думаете, через год ещё будут курсы? Или все уже уедут?

- Э-э-э... чирис год... Чирис год илы асёл здохнит, илы хазаин – адно из двух! Сичас нада работаць. Поняль, да?

Кстати, это ещё одно выражение Хачатура.

После такой краткой характеристики становится понятно, даже само собой разумеется, что его ученики говорят по-английски с соответствующим акцентом. И когда он обращается к кому-то в аудитории

с вопросом «Хау олд ар ю?», в ответ можно услышать «Ай эм твэнци» с такой интонацией, что так и ждёшь продолжения: «поняль, да?!»

«Женщин нада абажяць. Поняль, да?!» - это девиз всей жизни Хачатура.

- Тамарачка, солнишка, ти харашо сиводня виглядзишь! – кричит он в телефонную трубку.

- Свэтачка, ти прэкрасна сиводня! – восклицает он, не поднимая головы от вороха бумаг, но безошибочно зная, кто к нему вошёл в кабинет.

- Марыначка, ти самая замичатэлная женщина! Прихадзи пастаянна, чай будзем пиць, гаварыць о жизни будзем...

Это после того, как он Марину уволил. Не сошлись характерами...

- А-а, Луиза... - тон неожиданно становится официальным, начальственно суровым. – Как дэла? Как дзеци?

Луиза – жена Хачатура...

- Кагда муж – началнык, жина – падчинённыи, нэвазможна биць па-другому, поняль, да?! – доверительно сообщает он мне в присутствии Луизы.

- А-а-а!.. Мадам, за-ахадыце! Вы пришли писаться на иврит? Ай, как я поняль, а! Волей-паниволе прысмотришься здэс! Садыцесь, пажялуста.

У старушки бегают глаза. Она преклонного возраста. Я бы так сказал, очень преклонного. Но глаза бегают, пронизательные, изучают Хачатура. Молчание длится буквально две секунды. Но для шефа это уже целая вечность.

- Да, у нас замичатэлныи калэкцив, - заводит он свою пластинку. – Ми вас так научим, да, приедзите в Израиль, забудзице па-русски, будзице толка на иврите гаварыць...

Но мысль про «замичатэлныи калэкцив» и перспектива переезда в Израиль с возможностью «толка на иврите гаварыць» старушку отнюдь не успокаивают.

- Скажите, - вопрошает она. – У вас ещё много языков?

- Канэчна, многа. У Валодзи – иврит, у меня – английский...

- А иврит только одна группа?

Шеф явно сбит с толку:

- Адын, да. Зачэм ви спрашиваице?

- Скажите, а как у вас... относятся к евреям? Антисемитов нет?

- А-а-а... - Хачатур тихонько мне подмигнул. - Вон ви что... Зачэм нэт? Есть! Как же бэз ниво! – и таинственно, снизив тон до полушёпота: - Знаице, кто он?

- Кто? – в тон шефу, заговорщески вопросительно шамкнула губами старушка.

- А вот этот! – с видом торжествующего разоблачителя кивает в мою сторону. – Припадавацэль иврита! Са-амий махровий антисэмит!

- Да! – не моргнув глазом, подтвердил я. – Но вы не волнуйтесь! Нам по штату положен один антисемит. Так мы вот решили: лучше пусть буду я, чем Хачатур Владимирович...

7

«Ваш выход, Маэстро!..» Татьяна Юрьевна, незабвенная Татьяна Юрьевна!.. Собраться, забыв обо всём на свете, набрать побольше воздуха в лёгкие и нырнуть... Всё, что было до и всё, что может случиться после, как будто не с тобой, не о тебе. Сейчас, как никогда, важен этот миг, эта минута. Ну, если быть абсолютно точным, эти два с половиной часа.

Я предстал перед новой аудиторией, взрослых и очень взрослых людей, храбро дрожа всеми частями тела. Всю мою трясущуюся натуру органически дополнял голос, хрипло срывающийся на каждой ноте. Ну и правильно – как я уже говорил в первой части, всё должно быть в гармонии.

Сразу поразила тишина, напряжённая, но не давящая. Они тоже нервничали, эти славные люди, инженеры, учителя, врачи, музыканты... Нервничали перед полной неизвестностью, ожидавшей их там, по другую сторону приоткрытого «железного занавеса». И, видя моё состояние, безошибочно поняли – они у меня в этом качестве первые.

...Дверь открылась неправдоподобно гулко среди повисшей в аудитории тишины. Тишина была соткана из скрипа ручек и усердного сопения моих новых подопечных, тщательно пытавшихся конспектировать едва ли не каждое моё слово. Я чего-то лепетал про феномен возрождения древнего языка, про лёгкость стилистических конструкций... И хотя тяжеловесность моего способа выражения мысли и прерывающийся голос должны были бы, по идее, убеждать слушателей в обратном, к моему величайшему изумлению, они внимали и строчили, строчили обрывки

моих расплывчатых фраз в свои тетради. Для логического довершения картины, пожалуй, не хватало только Шурика из «Кавказской пленницы» с его знаменитым «Падажжить минут-чку, я запис-сую...»

Но дверь открылась, и вместо поддавшего Шурика на пороге возникла старушка. С сумками, авоськами, корзинами и тяжёлым дыханием. Старушка приветствовала сидящих кивком головы и направилась ко мне:

- Деточка, я слышала вы тут преподаёте иврит?.. Так вот шо я хочу вам сказать. Меня зовут Роза Яковлевна, потому ша мне 78 лет. Но для вас я буду просто тётя Роза. И тётя Роза сюда пришла, шоб таки выучить иврит, вы меня поняли? Как же я поеду в такую даль без языка?..

И вот конец урока, битком набитый маленький класс, в котором окна намертво законопачены «на зиму» (да-да! на одном окне так и было написано: «зарыто на зиму», без буквы «к» в середине), необычно душный майский вечер... Люди закончили, наконец, срисовывать с доски алфавит... Напряжённую тишину нарушает задумчивый голос тётя Розы:

- Вэйс мир! (Боже мой!) Вроде, такой интеллигентный парень... а шо нам сегодня показывал!..

С тех пор класс перестал быть тихим; люди от души смеялись и шутили, иногда грустили, делились сокровенным. А за тётей Розой можно было просто ходить и записывать.

- ...Друзья мои, в иврите есть два слова «как». Одно – вопросительное местоимение. Например, «Как пройти в библиотеку?». А второе – сравнительный союз...

- Да, я знаю, деточка, - это, конечно, тётя Роза. – Вот тебе пример: «Мы так хорошо знаем иврит, как ты танцуешь в балете!»

- ...Сегодня мы с вами повторим грамматику, времена глаголов. Тётя Роза, прочтите, пожалуйста, отрывок. Спасибо... Какое это время? Тётя Роза морщит лоб, задумывается...

- Ой, деточка... тяжёлое это время, шоб ты мне был здоров! Оч-чень таки тяжёлое...

- ...Хавэйрим! – вещала тётя Роза прямо с порога. – Я вам щас шото расскажу.

- Тётя Роза! – вежливо поправлял я. – «Хавэйрим» - это на идиш, а на иврите друзья – «хавэрім».

- Ой, дай уже тётё Розе поговорить на еврейском языке, а не на этом твоём иврите... Так вот, я была вчера с внучками в «Украине». Давали «Секрет»... Шо вы не понимаете? Ну бит-квартет этот «Секрет» давали. Они собрались в старом составе – к ним Максим Леонидов из Израиля прилетел. Так шо я вам скажу. Я теперь таки понимаю, почему они себе придумали имя «Секрет». Весь «Секрет» в том, шо у них этот Леонидов – еврей. Хотя, он, по-моему, такой еврей, как я – Леонидов... Но, мэйлы (ради бога), лишь бы ему там было хорошо...

- ...Володечка, деточка, я уже тебе таки скажу, шо нам всем от тебя нужно. Кáцэлэ (котёночек), нам так мало нужно, шоб ты знал. Нам нужно полететь *туда* всем вместе. И по улицам тоже ходить всем вместе... Но только шоб ты шёл немного прежде и переводил нам с этого кошмарного языка!..

А потом был мой первый выпуск, и все много ели, пили и плакали. Ели и пили много потому что это традиция такая вековая – все важнейшие события, встречи-прощания происходят у нас за столом, ломаящимся от яств. Ну а плакали перед расставанием и неизвестностью. Перед неизбежной необходимостью уезжать.

А тётя Роза не плакала. Она всех развлекала, как могла. Даже Маяковского по этому случаю перефразировала. И в школьном классе, прямо под портретом Ленина, прозвучал картавый проникновенный речитатив:

Да будь я хоть негр преклонных годов,
И то, без унынья и лени,
Иврит бы я выучил только за то,
Шо им разговаривал Беня!..

- Ой, шо вы говорите, противно слушать! Вы будете тётю Розу учить жить? Лучше помогите ей в матриальном плане, вот шо я вам скажу. Беня Крик говорил на идиш, таки да. А Бен-Иегуда, про которого нам Володечка рассказывал? Ну, этот хулиган, которого выгнали из ешивы (религиозной школы) за изучение иврита и сослали в Сорбонну, шоб он нам всем был здоров, он же тоже Беня!..

- Володечка, - говорила мне она.- Ты делаешь своё дело. Хорошее дело. Поэтому я тебя не подгоняю. Но, когда подучишь и проводишь

евреев, гази свет в аэропорту и прилтай сам. Таки сделай это, шоб потом не пришлось ехать в последнем вагоне поезда и отстреливаться...

Тётя Роза... Милая, добрая тётя Роза, душа и живая легенда киевского ульпана. Прошедшая через войну, душегубку Освенцима, сталинские лагеря. Находившаяся 20 лет в отказе. На дверях квартиры которой, незадолго до её отъезда, сначала высекли фашистскую свастику, потом написали «жыдовка», потом подожгли дверь... Где Вы сейчас? Что с Вами? Отзовитесь, тётя Роза! Я так верю в бессмертие святых душ, что 7 мая 2006 года хочу отметить Ваш девяносто третий день рождения. Поэтому, если эта книга попадёт в руки не к Вам, а к тем, кто Вас знает, очень прошу: помогите разыскать в Израиле Розу Яковлевну Родзинскую, уроженку Киева, 1913-го года рождения...

8

«Встречай, учи и снова расставайся – Когда уйдём со школьного двора...» Кто же мог знать, что эти слова о советском учителе из песни «Школьный вальс», из таких далёких теперь семидесятых прошлого столетия, будут про меня, отнюдь не советского учителя, конца прошлого – начала нынешнего тысячелетия?..

Всё позади. Тот поезд уезжал.
Растерянный сигнал вдали не слышен.
И только ветер тихо трепетал
В иссохшихся ветвях уснувших вишен.

Я не успел. Я друга отдал ей,
Унылой песне дремлющей дороги,
В бессоннице истерзанных ночей,
У новых злоключений на пороге.

И всё пошло вверх дном и кувырком.
И там, в январском слякотном вокзале
Вдруг понял я, что друг мой далеко
И без него меня нигде не ждали.

И без него я - гость в своём доме,
И горькая тоска одолевает.
И без него так трудно одному,
Что даже город мой неузнаваем.

Что даже ночь в беззвёздной вышине
Мне кажется какой-то карой свыше.
И только ветер треплет в тишине
Иссохшиеся ветви мёрзлых вишен...

Я это написал, когда уехал Игорь. Не сразу, не на вокзале, конечно. Я тот момент прощания вообще очень смутно помню. Странная особенность моего восприятия, замедленная реакция психики – реагировать на события спустя какое-то время. А первая реакция – почти полное её отсутствие...

Когда я начал преподавать иврит, ко мне приходили люди, сидящие на чемоданах. Два месяца, максимум полгода, и группы распадались – все уезжали. Тут же открывались новые группы. Люди были интересные, душевные. Добавьте к этому мою патологическую склонность привязываться, прикипать... Ох, сколько же я поездов проводил! Киев – Прага, Киев – Братислава, Киев – Бухарест, Киев – Будапешт... Потом начались поездки в аэропорт и авиарейсы... Поездки в Одессу; оттуда отходил теплоход Одесса – Хайфа...

«Встречай, учи и снова расставайся...» Да, видимо, и к этому можно понемногу привыкнуть. Я провожал поезда, самолёты, теплоходы, и, провожая, постоянно вспоминал слова тёти Розы о выключенном свете в аэропорту и последнем вагоне поезда. И всё чаще об этом задумывался... И только моя новая работа, с её вечным водоворотом уроков, групп, людей, судеб, захлёстывала, накрывала с головой пеной своего бурлящего потока. Потом наступали минуты отлива – отдышаться за один короткий выходной, и – новая волна. Так что мыслям моим, связанным не с работой, негде было особо развернуться. Одно я знал точно. С Игорем мы увидимся обязательно. Ближайшим летом. По-другому быть не может. Я ещё не знал, как это будет. Но понимал, что будет.

А пока до лета было ещё далеко, я жил этой оторванной от всей остальной реальности жизнью, коллекционировал необычные истории

своих соплеменников, не уставая поражаться творческому потенциалу самой Жизни, создающей столь причудливые и нереальные ситуации.

9

Израиль Исаакович Штейнберг (он же Изя) был классическим воплощением всего типично еврейского – большие, слегка на выкате, тёмные глаза, в которых, казалось, отразилась и застыла вековая скорбь еврейского народа; нос такой, что создавалось впечатление, будто в открывающуюся дверь класса сперва просачивается нос, и только через несколько минут – Изя. Сутулый и картавящий, он с грустным, даже почти трагическим видом рассказал историю, в реальность которой трудно поверить. Но и удержаться от хохота – тоже. А ещё – поражало, как горестное и комичное так легко в очередной раз переплелись.

Во время войны эшелон, в котором ехал Изя и его родные, бомбили, и из всей родни уцелел только Изя. Его эвакуировали в Ферганскую долину, с детским домом. Отец погиб на фронте и из родственников не осталось никого. А в 1944-м году стукнуло Изе 16, и отправился он в местный паспортный стол. Дали Изе заполнить анкету на двух языках – русском и узбекском. Никаких документов и метрик у него, естественно, не сохранилось, и все данные Изя мог придумать сам. Не стал ничего придумывать, кроме одного. В графе под номером «5», национальность, решил, для смеху, написать «индеец»...

Исправно заполнил анкету, аккуратно, на двух языках, на русском и узбекском, воплотил задуманное. Отдал секретарю, ожидая хохота или, в крайнем случае, скандала. Ан, нет, ничего не произошло. Выдали Изе паспорт, где чёрным по белому, на двух языках, русском и узбекском, после фамилии Штейнберг и имени отчества Израиль Исаакович, в графе «национальность», гордо красовалось «индеец»...

Подумал Изя, подумал, почесал свою, тогда ещё густую шевелюру, и решил ничего не менять. И в определённые моменты жизни индейское происхождение Изю выручало – по крайней мере, при поступлении в ВУЗ. Поступил он в медицинский без особых проблем. Евреев срезали на вступительных экзаменах безжалостно (Изя вспоминал слова проректора о том, что недопустимо превращать государственное высшее учебное заведение в синагогу), а вот индеец ВУЗу был необходим, - случай

неординарный и, возможно, даже единственный во всей огромной, многонациональной стране.

Не коснулось индейца Изю и «Дело врачей» - то ли по ранней молодости, то ли действительно «индейская кровь» сыграла свою роль.

Но бьют, как известно, совсем не по паспорту...

И в 1990-м аукнулось Изе его индейское прошлое... ой, как аукнулось!

Началась массовая эмиграция – ну, и Изя туда же. Получил из Израиля вызов, уволился с работы, квартиру родному государству подарил, через все ОВИРы прошёл. Поехал в Москву за визой... И вот тут, в Голландском посольстве, при котором тогда находилось израильское консульство, и развернулось основное действо...

Изя терпеливо дождался своей очереди, вошёл в кабинет к консулу, бодро что-то насвистывая. Консул долго и внимательно изучал Изины документы, буравил взглядом шутника-индейца и, наконец, изрёк:

- Позвольте, а какое вы имеете отношение?..

- Не понял? – вежливо переспросил Изя.

- Вам известно, что Израиль принимает только лиц, имеющих право на репатриацию, то есть возвращающихся на Историческую Родину. А для этого вам необходимо, чтобы кто-то хотя бы в третьем поколении у вас был евреем. Ну, хоть бабушка или дедушка.

- Так у меня все были евреи! – доверительно улыбаясь, сообщил Изя.

- Молодой человек, - был ответ, - о чём можно говорить, если вы даже не потрудились приобрести новую метрику?

- То есть как это... приобрести? – оторопел Изя. – Я же Штейнберг, Израиль Исаакович! Кем я ещё могу быть?

- Индейцем, - отрезал консул. – Это не к нам. Я вам отказываю в визе. До свидания. Следующий!..

Пристукнутый Изя вышел из родного еврейского консульства и пошёл, куда глаза глядят...

В Киев он вернулся через пару дней.

- И вот представьте себе! – кричал Изя. – Со своей фамилией и именем-отчеством, со своим носом я не могу доказать им, что я не индеец, а совсем даже наоборот!..

Никто не брался переделывать Изины документы. Но нашлись добрые люди, которые присоветовали, подправь написанное. Нашёл Изя какое-то неслыханное средство, незаметно выводящее чернила. Убрал в слове «индеец» букву «ц», а предпоследнее «е» исправил на «й». Хотел ещё «н» исправить на «у», чтобы получилось «иудей», да побоялся, что не получится незаметно. Решил так и оставить. Отправился в Москву. А там его, не то что к консулу, - на территорию посольства не пустили. Что это, говорят, за индей? Нет такой национальности, и всё. Точка.

Напрасно Изя, просил, умолял, утверждая, что это в Ферганском паспортном столе секретарь был полуграмотный, вот и ошибку допустил. Но его даже слушать не стали. Иди, говорят, отсюда, индей пархатый!..

А ещё через пару дней Изя с нездоровым блеском в глазах сообщил, что поедет в Боливийское посольство – он узнавал, там тоже существует программа возвращения на Историческую Родину, по линии индейской эмиграции. Он сказал, что на всякий случай записался на курсы испанского...

10

А вообще, группы бывают разные. Каждая непременно имеет своё лицо, не бывает безликих. В одной и той же ситуации возможна совершенно разная реакция. Понятно, что всё зависит от людей. Но если брать среднестатистически, то контингент групп примерно одинаковый. А вот реакция – разная. И здесь не то что статистика, - даже логика бессильна.

Провожу, например, очередное первое занятие с очередной первой группой. Ну, дело понятное, стартовое волнение – вечный спутник учителя. И хоть, сколько не работай, и как материал не обкатывай, на первом занятии всё равно волнуешься. А тут ещё группа... ну, такая... молчаливая, в общем. Всё исправно записывают, с каменными лицами. Я импровизировать пытаюсь, подбадриваю шутками, параллели всякие провожу, задорно бегаю по классу – чтобы контакт держать... Все средства перепробовал, только что на уши не становился. Не помогает, и всё. Может, день такой – критический, один для всех. Или буря магнитная...

В общем, под конец урока предпринял я последнюю попытку – анекдот решил рассказать. Рассказал, и машинально усмехнулся, -

собственному анекдоту... Странно прозвучал этот звук в гробовой тишине класса. До этого момента многие писали – хоть какие-то звуки были. А тут – как будто и дышать перестали. И в этой ледяной тишине – отдельный, глупый и нелепый мой смешок. Вот момент, когда прошибает холодный пот!

А какая-то женщина сказала соседке... Она сказала это действительно шёпотом, но поскольку тишина была, как я уже сказал, гробовая, класс сначала услышал мой полоумный смешок, а потом саркастическое шипение:

- Это он *так* шутит!..

Нет, не подумайте, группа оказалась хорошей, со временем всё стало на свои места. Но это первое занятие я не забуду никогда!

Одна из моих групп имела кодовое название «60+». Группа состояла исключительно из лиц женского пола соответствующего возраста. Тогда они все казались мне бабушками, и я за глаза их так и называл – «мои бабушки». «Бабушек» было 12 человек и, надо отдать им должное, посещаемость и успеваемость были довольно неплохими. Правда, создавалось впечатление, что учатся они прилежно только с одной целью – чтобы сделать мне приятно. Когда спорили, например, об объёмах очередного домашнего задания, нередко все споры заканчивались словами «Давайте уже сделаем ребёнку приятное. Если мальчик хочет, чтобы мы это выполнили, что, нам трудно это сделать ради него??»

И всё-таки, 12 «бабушек» для меня одного было многовато. И когда в классе появился первый «дедушка», я чуть не бросился ему на шею, рыдая от счастья...

Мои «бабушки» меня очень любили, и, как все любящие еврейские бабушки, хотели устроить мою личную жизнь. Наибольшую активность в этом деле проявляла Фира Ароновна, которая перед каждым занятием подходила ко мне и заявляла:

- Володечка, шо вы знаете, я для вас имею такую девочку! А!.. Умница, хозяйка! А поёт она, боже мой, как она поёт! Володечка, не говорите Фире «нет», вы ж ещё её не видели! Фира плохого не предложит!

Это обычно были монологи, в которые я поначалу пытался вставлять свои «пять копеек», но прервать воодушевлённые речи Фиры Ароновны не

представлялось возможным. И долгое время они не влекли за собой никаких последствий, так что я непозволительно расслабился...

На одном из уроков меня ожидал сюрприз: в классе за первой партой сидела барышня неопределённого возраста, размеров и форм – вероятно, из-за её одеяния. А одета она была в длинный балахонитсый, то ли халат, то ли сарафан цвета старой выгоревшей школьной формы, с большим поднятым воротом и длинными рукавами. Халат-сарафан волочился по земле, скрывая от глаза абсолютно всё, что только можно было сокрыть. Фира азартно подмигнула мне с задней парты – мол, видишь, я слов на ветер не бросаю!..

Розалия (так, оказывается, звали барышню) училась в последнем классе еврейской гимназии. Весь урок она что-то тщательно записывала. А в конце урока подошла ко мне и с пронзительно-истеричными нотками в голосе (которые идеально дополняли весь её облик) изрекла:

- Владимир! (С тех пор, когда меня кто-то называет этим именем, я болезненно морщусь, одолеваемый ассоциациями прошлого). – Владимир! – взвизгнула Розалия.- Я хочу поговорить с вами относительно вашей методической концепции. Садитесь!

Под тяжестью её голоса я машинально шлёпнулся на стул...

А дальше она начала говорить. О чём и как – передать не могу. В свои 16-17 лет она владела лексикой, о существовании которой я раньше слышал, но не более того. Она изъяснялась такими категориями, которыми мыслить я просто не умею. Её речь представляла собой некую квинтэссенцию работника научно-методического аппарата и исследователя, изучающего паранормальные явления.

...в итальянском фильме «Укрощение строптивого» главного героя (его играет Адриано Челентано) постоянно стремились с кем-то знакомить. Одна из его потенциальных фавориток была девушка-пианистка, рассказывающая ему, что ей нравятся мужчины с мягкой, обворожительной улыбкой... В это время Челентано усмехнулся, приоткрыв рот. И во рту у него обнаружилась огромная челюсть вампира. Оскорблённая девушка захлопнула крышку клавиатура и, негодуя, покинула комнату грубого, неотёсанного чурбана.

Подобная история приключилась и со мной. Правда, вставной челюсти вампира у меня не было, и про обворожительную улыбку мне

никто не говорил - речь шла, насколько я понимаю, о несравнимо более высоких материях. Но сама ситуация выглядела настолько нелепо и комично – эта барышня с её шестнадцатью с половиной годами, нелепым одеянием и непрерывным потоком воинственно клокочущего сознания... Так что в самый неподходящий момент я вдруг громко хихикнул. Этот звук вырвался из меня произвольно, как икота. Я не хотел, честное слово!.. Как оказалось, я совершил непоправимое – барышня прервалась на полуслове, прижала к груди тетрадку с записями, и ушла, громко хлопнув дверью...

- Володечка, не ожидала от вас! Шо такое вы ей уже наговорить успели? Она ж теперь слышать не хочет приходить сюда! – заявила мне на следующий день Фира Ароновна. И уже больше ни с кем меня знакомить не порывалась.

11

В 1992-м году израильское агентство Сохнút открыло своё первое представительство в Украине. Репатриация евреев стала делом почти обыденным. При Сохнúте работал отдел образования, появились первые посланники (послицы? или послихи? – потому что все были женщинами) по образованию.

Первой к нам приехала Наóми, израильтянка средних лет. Наóми не знала ни слова по-русски, но задалась целью, обучая ивриту нас, её подопечных учителей, параллельно осваивать русский. У Наóми была специфическая методика самоусовершенствования в русском. Она вкрапляла в свой иврит русские слова, удельный вес которых заметно возрастал с каждым днём. Она виртуозно овладела русско-ивритским суржиком!

К себе в учителя русского Наóми выбрала меня. И вот тут я понял, на каком языке мы разговариваем! В том смысле, что я очень посочувствовал иностранцам, изучающим наш русский. Потому что выучить это невозможно! Это невозможно ни объяснить, ни понять!

- Как это «я хочу, чтобы ты *сделал*»?! - ужасалась Наóми. – «Сделал» - это уже; это прошедшее время! А я ж только этого хочу. Значит, ты этого ещё не сделал. А сделаешь – в лучшем случае, если я тебя об этом очень хорошо попрошу... Я хочу, чтобы ты это *сделаешь*! – упорно повторяла она.

И возразить ей было нечего...

А вы задумывались, например, какая разница между словами «мёд» и «медь»? Вся разница из-за какой-то загогулины в конце слова, которая и звука-то не имеет!

А такая вот ерунда: в настоящем времени - «беру», а в будущем - «возьму»; в прошедшем времени - «положил», а в настоящем - «кладу»; в настоящем времени - «иду», а в прошедшем - «шёл»... Знаете, сколько таких глаголов с одинаковым значением, но не имеющих ни единой общей буквы?.. А эти бесконечные приставки и падежные окончания?.. Словом, что и говорить! Китайская грамота, братцы, наш «великий и могучий»... Прямо как в том анекдоте, про урок русского языка в грузинской школе. «Дэты! – строго говорит учитель. – Эта панят нэ вазможна, эта нужна запомныт: «мол», «сол» и «фасол» всэгда пишется с мягкий знак, а «вилька», «тарэлька» и «бутилька» - бэз!..»

- Я вас нэ *слушаю*, я вас нэ *слушаю*! – настойчиво кричала На́ми в телефонную трубку.

- На́ми! – пробегая мимо, крикнул я. – Правильно будет «я вас не слышу»!

- Да, спасибо, Володенька! – радостно встрепенулась она. И с видом человека, постигшего истину, торжественно прокричала в трубку: - Я вас нэ *слышаю*!..

Потом приехала Та́ли, молодая учительница иврита, тоже не знавшая ни слова по-русски. Та́ли преподавала в молодёжной группе. Мы работали на параллели и часто встречались на переменах в коридоре. Та́ли увлечённо рассказывала об успехах своих учеников и, между прочим, обмолвилась о том, что уже немного может говорить по-русски. В частности, ответить на вопрос «как дела?». А я не удосужился уточнить, что же именно она успела познать в русском и как может ответить, в частности, на этот вопрос...

Как-то сотрудников израильского посольства пригласили на полуофициальный торжественный ужин в фешенебельный ресторан. Я был тоже приглашён – в качестве личного переводчика для Та́ли.

В самом начале вечера к нам подошёл седой вежливый человек – депутат (у всех приглашённых были бейджики) и, приветливо улыбаясь, спросил:

- Як пані Ревіталь почувається на Україні? – в надежде, что я ей переведу вопрос.

А я вместо этого зачем-то предложил:

- Вы знаете, она уже немножко говорит по-русски... Вот если бы вы ей задали простой вопрос по-русски, она бы вам ответила.

Депутат понимающе кивнул и чистосердечно спросил:

- Госпожа Ревіталь, как Ваши дела?

Тáли усиленно наморщила лоб, начала тереть виски. Потом её лицо озарилось улыбкой просветления. Она закопошилась в своей сумочке, приговаривая:

- Как дэла, как дэла... минуточка... момэнт... как дэла... о-о, о`кэй!..

С этими словами она извлекла из сумочки записную книжку с ивритским алфавитом, бодро пролистнула до нужной буквы, и с ивритской транслитерации, нараспев, не менее бодро прочитала:

- Как дэла? Пака нэ радила, кагда ражу, тагда скажу!..

За время произнесения Тáли этой реплики, на лице депутата отразились все цвета радуги. Он быстро закивал, жалко заулыбался, слегка поклонился и вдруг очутился на другом конце довольно большого зала...

- Сама-то хоть поняла, чего сказала? – спросил я на иврите.

- Да, конечно! – беззаботно ответила она. – Объяснила, что всё у меня в порядке. Только предложения у вас какие-то длинные... Но зато складно, как стихи!

«Да уж, - подумал я. – Складно... Спасибо, что ещё только этому обучили...»

- О, вспомнила! – радостно вдруг закричала она на весь зал. – Вспомнила! Я недавно выучила ещё одну формулировку: «Как дэла? – Как лэгла, так и дала!..»

А потом был торжественный ужин. Ужин прошёл в дружественной обстановке, но, что называется, с поправкой на тяжёлые времена – посуда (в том числе, вилки и ножи) были пластиковые. Зато бокалы – хрустальные! На каждой одноразовой тарелочке торжественно возлежала жёсткая волосатая курица – видать, сохранившаяся ещё с советских времён.

Я к тому времени уже изрядно проголодался. Хотел взять курицу руками, но огляделся и увидел, что все дружно чикают эту самую курицу своим одноразовым инвентарём, да ещё как ладно: чик-чик, и готово! Я попытался последовать примеру окружающих – всё-таки званый приём;

неудобно выглядеть дикарём. Пытаюсь разрезать – ничего у меня не получается! А слюнки текут! Давлю её, гадину, ножом и вилкой – не поддаётся! Я оглянулся – никто ли за мной не следит, перенёс всю тяжесть тела на руки; щ-щас, думаю, ты у меня разрежешься, никуда не денешься! И вдруг... Нет, это надо было видеть! Курица выскользнула из моей тарелки и приземлилась, в аккурат, на тарелку соседки справа. Которая, кстати сказать, свою-то курочку давно и тщательно обглодала! Что было делать? Мне оставалось только наблюдать за выражением лица соседки, которая в это время с кем-то оживлённо переговаривалась через стол. А когда перевела взгляд на свою тарелку, просто офигела: да тут у вас, блин, курицы жаренные летают!..

Ещё одна посланница по образованию, Ёфик, завела себе водителя Ваню. Ёфик, в принципе, сносно говорила по-русски, но у неё была чёткая установка: слова, заканчивающиеся на «а» и «я» - женского рода. И она не делала никакого различия между именами Таня, Маня, Ваня... Поэтому к выражениям типа «Ваня пошла», «Ваня сделала» и «Ваня приехала» все быстро привыкли... А Ваня, простая сельская мужчина средних лет, в свою очередь, видимо, привык, что на согласный звук заканчиваются слова мужского рода. И для него Вадик, Толик и Ёфик, как я понимаю, стояли в одном ряду. Поэтому Ваня всегда говорил: «Ёфик сказал», «Ёфик пришёл» и «Ёфик сделал»...

12

Тот первый год работе в Сохнүте был насыщен событиями и эпизодами, запомнившимися навсегда. А ещё он был отмечен событием, очень повлиявшем на мою дальнейшую жизнь: я получил гостевое приглашение от Игоря, в Израиль. Лето было уже не за горами. Лето очередного поиска себя в этом мире. Лето новых потрясений, очарований и разочарований...

Израиль встретил меня плавящимся асфальтом, очумевшими от жары служащими аэропорта имени Бен-Гуриона, погрузивших нас из самолёта в минибус, плакатом на русском языке при выходе из аэропорта: «Еврей! Не думай, что ты самый умный! Здесь все такие!» и Игорем, ждавшим меня под этим самым плакатом...

Помню, как мы стояли в тесном автобусе, вёзшем нас из аэропорта в Хайфу, и молчали, не в состоянии вымолвить ни слова. Нам бы в тот момент оказаться в привычной обстановке, в его квартире на Чоколовке или у меня на Лесном... Но мы стояли в переполненном израильском автобусе, придавленные, приплюснутые соотечественниками, бывшими соотечественниками, соплеменниками и просто туристами; а ещё – сознанием того, как быстро пройдут, пролетят эти шесть недель моего пребывания здесь...

На второй день после приезда я решил доказать окружающим, в лице Игоря и его семьи (но, в первую очередь, в собственном лице), что я вполне самостоятельный и могу передвигаться сам. Доказать это я решил самым безобидным, на первый взгляд, образом. Написал домой письмо и отказался от предложения Игоря сопроводить меня до ближайшего почтового ящика. Идти-то было всего ничего: вниз по улице, потом направо, и ещё метров двести до автобусной остановки.

Вот я и пошёл. Но маршрут свой сократил. Спустившись вниз, я увидел на углу большой жёлтый ящик. Правда, меня почему-то не смутило, что этот ящик не на асфальте стоял, а висел на столбе. Не смутил меня и тот факт, что отверстие «для писем» было довольно широким – оно могло, пожалуй, служить и для бандеролей...

Словом, ничтоже сумняшеся, опустил я в этот ящик своё письмо и, довольный, вернулся.

Дверь открыл мне Игорь, спокойный, как обычно, но подозрительно ко мне присматривающийся.

- Странно... - сказал он своим ровным, невозмутимым голосом. – Так быстро вернулся. И не вспотел даже. Значит, не бежал... Ты где был?

После моего бодрого рассказа про ближайший почтовый ящик, он, почти не удивившись (многолетнее знакомство что-нибудь да значит!), решительно тряхнул головой:

- Идём, разносчик почты!

Взял с собой длинные такие щипцы, и мы пошли...

В общем, вы, наверное, уже догадываетесь, что это был за ящик, да? Правильно, мусорный. Но уж больно похож на почтовый. По крайней мере, так мне тогда показалось...

За нашими действиями пристально следил дворник, явно арабской наружности, сгребавший в это время в свою тележку мусор с мостовой.

Игорь тщетно пытался своими длинными щипцами извлечь моё письмо. Вылетал всякий мелкий мусор – клочки бумаги, окурки, какие-то карточки...

Дворнику всё это как будто не нравилось, и когда он направился к нам, я приготовился к серьёзному выяснению отношений, собирая воедино все свои знания в области разговорного иврита на тему «Не твоего ума дело!»...

- Мужики, и чего вы дурью маетесь? – вдруг спросил дворник с арабской наружностью на чистом русском языке. С этими словами он ловким движением отделил дно от ящика и, как поднос с яствами, поднёс его нам. Мы обалдели: там лежало... ну, наверное, с десятков писем... Я краем взгляда успел отследить адресатов: Киев, Москва, Одесса, Харьков...

- Ну, какое ваше? – деловито спросил он.

Это была моя первая поездка за границу. И мне понадобилось несколько дней, ну, максимум неделя, чтобы понять банальную истину. Мы все, живущие там, в бывшем Союзе, мы не просто бедные. Мы неописуемо, немислимо, безбожно нищие, если говорить о материальной стороне жизни. Мы нищие до омерзения, до скотства, до... как так можно жить??? Как можно жить и не видеть всего этого безобразия, этой унижительной нищеты???

Когда я прилетел к Игорю в Израиль, у меня с собой было: сумка с подарками (украинский хлеб, сало и всякая мелкая дребедень); кулёк с личными вещами и шесть долларов в кармане. Это всё. Дорогу мне оплатил Игорь.

Ах, да, забыл! Ещё у меня было сопроводительное письмо с курсов, на английском языке, от Хачатура, в котором он просил оказать мне всяческое содействие в деле совершенствования моего иврита. Вот с этого-то письма и разгорелся весь сыр-бор...

Через несколько дней я зашёл в Хайфский филиал Министерства образования с письмом Хачатура. Нашёл нужный мне отдел. Там меня встретил приветливый дядя, усадил, предложил попить водички. Внимательно меня выслушал, деликатно по ходу исправляя ошибки в моём, тогда ещё очень далёком от совершенства иврите. Пробежал глазами письмо Хачатура. Сказал, хорошо, нет проблем. Мы можем тебя устроить на полугодичные курсы повышения квалификации для учителей из диаспоры. Для этого тебе нужно изменить статус. Потому что, как туристу, тебе придётся платить за обучение большие деньги. А вот если ты получишь вид на жительство, тебе, как гражданину (тут он на минутку задумался и, тщательно подбирая слова, деликатно кашлянул), тебе, как гражданину молодой развивающейся страны, позволят учиться бесплатно, и даже будут платить стипендию, достаточную для проживания в общежитии и питания. А ещё по вечерам сможешь подрабатывать, так что, вперёд. Нам, - сказал мне дядя из хайфского отдела минпроса, - очень нужны молодые творческие кадры для распространения иврита в диаспоре.

Сказано – сделано. На следующий день все необходимые документы были собраны и сданы в соответствующую инстанцию. Процедура, правда, была не такой уж быстрой. Но через полтора месяца я вновь переступил порог хайфского филиала минпроса, на сей раз в новом статусе. И, радостно помахивая перед собой удостоверением временного жителя страны, заявился в знакомый кабинет, со словами «вот он, я, пришёл».

Первое разочарование – в кабинете, вместо добродушного, внимательного, приветливого дяди, сидел какой-то хмурый тип в роговых очках, с задумчивым видом ковырявшийся в носу. Но я взял себя в руки, подробно и основательно рассказал о своём первом визите сюда, о разговоре с его предшественником и о том, что все необходимые бюрократические процедуры я уже завершил.

Слушал он меня или нет, трудно сказать, так как процесс ковыряния

в носу был непрерывным, а его глаза, водянисто-флегматичные, смотрели неподвижно в пространство...

- Ну, и что ты хочешь? – равнодушно спросил он, когда я закончил.

- Хочу учиться на курсах повышения квалификации для учителей из диаспоры, - терпеливо пояснил я.

- Зачем? – лениво поинтересовался дядя.

- Чтобы повысить свой уровень знания иврита и работать в диаспоре.

- Ты с ума сошёл? – тоскливо зевнул тип. – Какие курсы? Какая диаспора? Мы своих учителей не можем трудоустроить, так мы ещё будем думать о диаспоре?

- Но как же... мне сказали, что меня примут...

- Примут – куда?.. Слушай, хочешь хороший совет? Стань новым репатриантом, получи деньги от Министерства абсорбции, иди учить иврит на общих основаниях в ульпан и не морочь никому голову. Курсов, о которых тебе кто-то чего-то наплёл, нет и никогда не было. Понял?..

Второе разочарование было несравнимо сильнее первого. Я вышел на улицу в состоянии полной протрации. У меня на руках оставались: кулёк с личными (летними) вещами, просроченный билет на самолёт в Киев, который в кассе аэропорта отказались принять, и шесть долларов, привезенных из дому... Письмо Хачатура я, видимо, забыл в кабинете у того типа...

14

У Игоря я оставаться больше не мог. По многим соображениям. Я был очень благодарен им за их бесконечную доброту и бескорыстие, за их заботу обо мне. Но не мог же я, молодой, здоровый мужик, сидеть у них на шее, ожидая неизвестно чего. Или даже не ожидая, а просто жить там. Деньги они отказывались брать наотрез. «Сначала заработай на билет обратно», - говорила мне Игоря мама. Я видел, как они экономили. На чём могли. На продуктах, на электричестве и воде. Я начинал чувствовать себя иждивенцем. И на следующий день я уехал в Нетанию; мне предложили там работу на плантации.

На плантации под Нетанией выращивали этро́ги – цитрусовые, внешне и по запаху очень напоминающие лимоны. Этро́ги считались эксклюзивными растениями и стоили очень дорого. Их выращивали

специально для праздника Суккóт, продавали внутри страны и экспортировали во многие страны мира. Поэтому новичков, тем более, таких как я, то есть имеющих лишь смутное представление о предназначении лопаты и грабель, не подпускали к этрóгам на пушечный выстрел.

В первый рабочий день мне выдали ножницы и поставили под дерево, совершенно не дававшее тени. Мы работали в паре – я и чернокожий парень из Эфиопии. На ветке дерева висел огромный моток верёвки. Мой напарник отматывал кусочек. Когда он останавливался, я должен был чикнуть по верёвке ножницами, и маленький кусок верёвки падал в стоящее под веткой ведро. Когда ведро наполнялось, тут же подбегал другой человек, забирал наполненное ведро и ставил пустое. Когда заканчивался моток, несколько человек подносили новый и водружали на место прежнего. Заготовленными нами кусочками верёвки подвязывали этрóги. Это была конвейерная работа – ни передохнуть, ни отлучиться на минуту. Рядом с нами стояла банка с водой, чтобы свободной рукой когда-никогда ополоснуть себе лицо. 17 часов, без перерыва, я стоял и чикал ножницами.

Наше дерево располагалось у трассы, мимо проносились машины. Одна из них остановилась. Из машины вышел дородный господин, и некоторое время внимательно следил за нашими действиями.

- У тебя что же, другой профессии нет? – лениво-сочувственно спросил он меня по-русски.

Что я ему мог ответить? Что по образованию я психолог, а по профессии – преподаватель иврита?..

...а глубокой ночью, когда я, наконец, добрался до постели и закрыл глаза, почувствовал как пальцы моей правой руки произвольно совершают те же движения – как будто продолжают нарезать ножницами кусочки верёвки...

...поэтому на следующий день, когда мне выдали носилки и поставили в паре с другим парнем нагружать-разгружать навоз, я чуть не прослезился от оказанного мне высочайшего доверия...

И всё-таки, сельскохозяйственный работник из меня никудышный. Ходячий несчастный случай на производстве, вот кто я! И так удивительно, как я мог продержаться там целых десять дней. У меня ведь и одежды

соответствующей не было – те же шорты и сандалии, в которых я ходил по улице. А у этрогов колючки побольше, чем у кактусов будут.

Теперь слабонервных попрошу этот абзац пропустить. Я сам, когда вспоминаю, у меня начинает мутиться в мозгу. Просто я проколол сандаля одной из этроговых колючек. В смысле, проколол насквозь. То есть колючка вошла в подошву и вышла через верх сандалии. Но в это время внутри сандалии была ещё ступня ноги...

Я умудрился как-то этот день ещё доработать. Залил спиртом, йодом... И на следующий день тоже вышел на работу. А потом – нога стала напоминать клюшку для хоккея на траве, поднялась температура... В общем, выждав ещё день, поплёлся в ближайшую больничную кассу – это типа нашей поликлиники.

Врач, русскоговорящая, 20 лет в стране, посмотрела на мою ногу и за голову схватилась.

- Боже, чем же тебя теперь спасти?!

- Что, - спрашиваю, - неужели всё так плохо?

- Да плохо, - говорит, - хуже не бывает! Это ж, скорее всего, общее заражение крови, гангрена, ампутация...

- Доктор, - пролепетал я в страхе, – вы с ума сошли! Говорить такие вещи больному! А вдруг у меня плохо с сердцем?

- Да нет, с сердцем у тебя как раз всё нормально! – обнадёжила меня доктор.– Были бы с сердцем проблемы, ты бы скопытился ещё пару дней назад. У тебя, мотэк («дорогуша», в смысле), с головой проблемы!

- И что же мне делать?! – меня охватила нешуточная паника.

- А не знаю, что тебе делать! Ну вот не знаю, и всё. Ну, выпишу тебе «акамоль» (это такой антибиотик израильский; его от всех болезней выписывают – В.С.), но он всё равно тебе не поможет. Когда станет хуже, вызывай «ambuланс», а я тебе уже ничем не помогу.

То ли, вопреки ожиданиям, «акамоль» на меня оказал всё-таки чудодейственное воздействие, то ли это метод психотерапии такой, но я перепугался до такой степени, что почувствовал себя легче, как только вышел из её кабинета. И с тех пор пошёл на поправку, что называется, не по дням, а по часам. Всё-таки, любит, любит меня Боженька, дай Б-г ему здоровья!..

Но на плантацию уже возвращаться не рискнул. Деньги, в общем-то, вещь не самая плохая, особенно когда в них нуждаешься. Но здоровье значительно дороже!

С тех пор я сменил множество работ: работал на картонной фабрике, грузил-разгружал унитазы, собирал мусор на мусороуборочной машине, разносил почту, давал частные уроки иврита... Моему самолюбию очень льстит тот факт, что прогоняли меня только с двух работ. Когда убирал в одном израильском доме и, наводя порядок на кухне, постирал кульки от селёдки, после чего вывесил их сушиться (в прежние советские времена так делала мама). Второе место, откуда меня выгнали, была бензоколонка – после того, как я залил бензин в радиатор мотоцикла... А так, со всех остальных мест я уходил по собственному желанию, в очередной раз ощутив, что это «не моё».

Но мне не давал покоя вопрос: неужели я рождён только для преподавания? Неужели не найду себя в чём-то ещё? От этих мыслей чуть не развил в себе комплекс неполноценности... Но, к счастью, не успел. Потому что вовремя-таки нашёл себя. Я понял, что если все выучат иврит, и никому не будут нужны услуги психолога-методиста-воспитателя, с голоду я всё равно не умру. Потому что смогу быть дворником.

15

Дворником я стал неожиданно. Просто встретил парня с метлой, примерно моего ровесника, и он отвёл меня в управление. Где мне и показали инвентарь – тележку, мусорное ведро, веник, совок, лопату и бригадира – араба Абу Салла. Потом Абу Салла, терпеливо и даже любовно объяснял мне предназначение каждого предмета. Выглядело это примерно так:

- Вот видишь, хабиби (в смысле, «дарагой»), это ведро. В него собирается мусор. Мусор – это то, что там грязное всякое на улице валяется. Его собираешь веником на совок, вот так... Лопатой сгребашь исключительно собачье дерьмо. Потом наклоняешь совок или лопату вертикально к ведру... ну и т.д.

Так что на следующий день я уже приступил к исполнению. Наш контингент, за исключением меня и ещё двух-трёх человек, был

пенсионного и предпенсионного возраста. Естественно, из бывшего Союза. Врачи, учителя, инженеры, журналисты... прямо как у меня на курсах. Был даже один профессор, доктор математических наук; каждый день он выходил на работу в свежей, накрахмаленной и наглаженной белоснежной рубашке... Был ещё заместитель генерального директора крупного производственного объединения... В общем, сливки общества.

А с Абу Сала как-то конфликт небольшой получился. Перевели меня на другой участок, а я, по старой памяти, обедать пришёл на прежнее место. Смотрю, едет наш бригадир на своём лисапедке. Подруливает ко мне.

- Ты чего, - говорит, сюда припёрся? А ну-ка, марш на свой участок!

Я ему возразить попытался, дескать, у меня обеденный перерыв, законные полчаса. Не всё ли тебе равно, где я в это время буду? Главное, вовремя появиться на рабочем месте... А он как заорёт:

- А ну, чеши отседова! Кому сказал! – и даже ногу занёс, как бы пнуть меня хотел.

Когда-то, в армии, я дал себе слово, что никто, кроме самых близких людей, не посмеет безнаказанно открывать на меня рот...

- У тебя жена есть? – ласково спросил я.

- Три... - машинально ответил он. – Тебе какое дело?

- А такое... - не меняя тона, я натянул ему на голову капюшон куртки по самое не могу. – Ты меня учил дерьмо убирать, а я тебя научу с людьми разговаривать. С сегодняшнего дня станешь добрым и ласковым, понял? Иначе сразу три женщины рискуют остаться вдовами...

Потом ждал окончания рабочего дня, тоскливо думая, как меня уволят – с удержанием зарплаты или всё-таки выплатят заработанные деньги?

Но долго ждать не пришлось. Он появился через пару часов на моём участке, и – хоть к ране его прикладывай. Улыбчивый, обходительный такой.

- Бубалэ, - говорит («бубалэ» на идиш значит «куколка»). – Бубалэ, возле той скамейки, где ты любишь обедать, я распорядился столик поставить. Так что, Бубалэ, тебе теперь будет удобно! А хочешь, Бубалэ, верну тебя на старый участок?

С тех пор Абу Салла меня иначе как «Бубалэ» не называл. Причём,

буквально через слово...

Когда-то был такой фильм «Попугай, говорящий на идиш». А эти строки про своего бригадира Абу Салла я бы озаглавил так: «Араб, говорящий на идиш». По-моему, очень экзотично!

И вообще, дворницкая работа мне начинала нравиться. А что? Целый день на свежем воздухе. Сам, наедине со своими мыслями, блокнотик в кармане. Иногда мысли удавалось записывать... Да и наводить порядок люблю. Но и тут, в вопросах наведения порядка, без казусов не обошлось.

Хороший дворник должен в одном лице быть и психологом, и писателем. Ну, насчёт писателя, пожалуй, я загнул. Не писателем – записывателем. Но психологом – обязательно. Ты каждый день в одном и том же микрорайоне, на виду. Сначала здороваешься с жильцами, потом начинаешь общаться...

Один израильтянин, например, никак не мог запомнить моего имени, и чувствовал себя по этой причине неловко.

- Слушай, - сказал он мне однажды, - Волди, Блади... ну как мне тебя запомнить... Дай какую-то ассоциацию!

- Ты слышал когда-нибудь о Ленине? – спросил я.- Меня зовут так же, как его.

- Ну, фантасти! Видишь, как просто! Что ж ты раньше не сказал?!

С тех пор, каждое утро, появляясь на углу улицы, он издали меня приветствовал своим хорошо поставленным басом:

- О! Влади́мир Ё́лич Лэ́нин! Шалом!..

Моя соседка, недавно приехавшая в страну, как-то посетовала:

- Вот всем необходимым обзавелась, а стулья не могу найти. Ты уж помни обо мне, пожалуйста. Может, попадётся стульчик какой хороший...

Надо сказать, что в Израиле (как, наверно, во всём цивилизованном мире) ненужные вещи, но имеющие весьма приличный вид, просто аккуратно выносят на улицу и ставят или кладут где-то в стороне, чтобы человек нуждающийся мог себе взять. Так многие наши соотечественники обзаводились мебелью, одеждой и даже посудой.

И вот, буквально на следующий день после нашего разговора, убираю на своём участке и вижу: стоят, чуть в стороне от дома, на травке,

не один, а целых четыре стула! Да ещё почти новые! Ну, спрятал я их в кусты, после работы отнёс соседке. То-то радости было!..

А на следующий день мне жаловалась другая моя знакомая, тоже бывшая соотечественница:

- Ты представляешь, какие сволочи! – громко возмущалась она. – Вынесла я вчера стулья проветрить. Только отошла... возвращаюсь... как корова языком слизала! Сволочи!! Сталина на них нет!!!

Что было делать? Я решил так: признаюсь ей, кто эта сволочь – тут же придётся у несчастной соседки стулья отбирать. Самое обидное, что эта обрадуется, но потом о найденных стульях забудет, а осадок в душе против меня всё равно останется. Да и соседка – и так живёт не ахти, а тут я ещё – сделал подарок, а потом взял и забрал. В итоге, одна будет озлоблена, вторая – несчастна. А так только одна останется озлобленной. Одна меньше, чем две. Арифметика простая. Поэтому я всё оставил как есть.

16

В жизни ничего не бывает случайного. Хотя многое – дело случая...

Врастая в эту новую для меня эмигрантскую жизнь и чувствуя себя обречённым на эту добровольную ссылку, я, тем не менее, ни на день не забывал о своей мечте – учиться. Мечты, вообще-то, было три. Первую я осуществил: мы хоть с Игорем жили в разных городах, но всё же, по выходным, если не каждую неделю, то, по крайней мере, раз в две недели виделись. О второй своей мечте я уже сказал – очень хотел учиться. И ещё была третья, никак не совместимая с первыми двумя: я хотел домой. Боже, как я хотел домой!.. В очередной раз я чувствовал себя мечущимся и неприкаянным. Но ситуация складывалась так, что, хочу я этого или нет, надо было заработать на билет в Киев и хоть на какие-то сувениры домой. А пока я зарабатываю, можно и поучиться...

Я обивал пороги многих кабинетов. Где-то встречал понимание и сочувствие, где-то безразличие. Некоторые чинуши были настроены просто враждебно: тебя, мол, государство содержит, трудоустраивает и учить будет бесплатно, чтобы ты потом в свой Киев свалил? А накось, выкуси!

А меня никто не содержал и не кормил. К тому времени я уже жил самостоятельно, снимал комнату и вкалывал с утра до вечера, параллельно пытаюсь найти себе что-нибудь подходящее... О диковинных курсах для

учителей из диаспоры упорно никто из чиновников Министерства абсорбции и минпроса не слышал. Так что я уже начал задумываться: а не пригрелся ли мне тот добрый дядя из хайфского филиала, с его советами и увещеваниями? Не был ли он плодом моего воспалённого непривычным зном воображения?..

Итак, оставались только улыпаны. Здесь надо сделать сноску: улыпан – это место, где люди овладевают ивритом, такие себе курсы по изучению одного языка. А я мечтал о таком месте, в котором иврит бы овладел мной. То есть чтобы иврита было - ну очень много. Недостаток большинства улыпанов – их неинтенсивность (всего два раза в неделю) и обыденность форм работы. Ну, оно и понятно: большинство людей приходят туда после рабочего дня (а рабочий день в Израиле гораздо больше восьми часов, оговоренных КЗОТом!), злые от мыслей разных – живут на съёмной квартире, деньги вот-вот закончатся, работа чёрная, неблагодарная. А тут ещё язык этот хренов, в башку не лезет ни черта. Такая себе, типичная картинка начала 90-х...

... И всё-таки, я нашёл, что искал. Улыпан назывался «Акива», расположен был в пригороде Нетании, в живописном месте. И занятий там было, учись-не хочу; по три-четыре пары, шесть раз в неделю. Но одна была загвоздка: улыпан был платный, ориентирован, в основном, на богатых туристов. А наших брали туда, но очень мало и неохотно. И всё как-то *своих*. Так что, как я туда ни приду – у них одно и тоже: старый набор уже закончился, а новый ещё не начался. Так и проходил я полгода, с одинаковым результатом...

А потом поменял-таки свой просроченный киевский билет – ну, тот самый, который нигде раньше принимать не хотели. Просто научился говорить нужным тоном, на нужном языке. Пришёл в ближайшую турфирму, с видом бывалого путешественника плюхнулся в мягкое кресло и небрежно протянул билет служащей:

- Мне по этому билету в Киев нужно лететь.

Она посмотрела на дату, и тут же мне его возвращает:

- Он у тебя просрочен.

- Сам вижу, что просрочен, - билет совершает обратный путь, через стол подъезжая к девице. – Вот и поменяй дату на... (я сделал вид, что

задумался) да, пожалуй 28-го апреля полечу.

- Как я тебе поменяю? – взвилась девица.

Я спокойно пожал плечами – терять-то было нечего. Если повезёт, будет лучше. В худшем случае, будет, как было. Хуже точно не будет.

- Если бы я знал, как, работал бы тут вместо тебя. А так – пусть каждый занимается своим делом. Думай, как. Это твоя работа.

- Но... ты же не улетел в нужное время, - резко сбавила она обороты.

- Слушай!- я притворился, что теряю терпение. – Давай, что-то решай со мной. У меня нет времени на разговоры.

Она куда-то звонила, кого-то о чём-то просила, с кем-то спорила, возмущалась... Я корчил из себя безучастного, скучающего, уверенного в себе типа...

- Придётся доплатить ещё 40 долларов, - сказала она. – Вылет 28 апреля в 14.30.

Я не мог поверить собственным ушам. Адвокат, который на заре моего пребывания в стране содрал с меня почти такую же сумму, посоветовал мне заказать поминальную молитву по этому билету. Насколько я понимаю, я заплатил ему тогда за острословие...

Но надо было играть до конца. Я кивнул и поднялся, сделав шаг к двери.

- Ты куда? – сорвалась она со своего места.

- Я подумаю, - ответил я. – Сумма великовата.

Никуда она от меня теперь не денется!

- Тридцать! – прокричала она мне в спину. – Давай за тридцать!

- Я подумаю, - повторил я и вышел.

На следующий день мы сошлись на сумме двадцать долларов, и она ещё долго оправдывалась, что налоги аэропорта большие, а то было бы дешевле.

Так вот. Билеты на руках, через месяц вылет. Я почти смирился, что ульпан «Акива» мне не светит. И вдруг...

Во дворе одного из домов, обслуживаемых мной, жил некто Арик. Мы виделись каждый день – встречались утром, когда он уходил на работу и вечером, когда он возвращался. Так и познакомились.

В тот день я был особенно словоохотливым – видимо, всё ещё находясь под впечатлением своего недавнего успеха с билетом; вот и рассказал ему про мытарства с ульпаном. Арик аж подпрыгнул: чего ж ты

раньше ничего не говорил! Оказывается, он работал в ульпане «Акива» завхозом!

«Нет проблем!» - бодро сказал мне Арик. И действительно, никаких проблем на этот раз не было – через пару дней я уже писал вступительный тест. По итогам теста и собеседования меня определили в группу шестого уровня сложности (из восьми существующих). Я уволился с работы и последний месяц успел пожить в Израиле полноценной студенческой жизнью.

Так что всё в жизни дело случая...

Но я, пожалуй, забежал вперёд. Прежде чем рассказать об этой последней странице своей «добровольной ссылки», я хочу поделиться с вами очень важными для меня мыслями...

17

Эмиграция – не процесс. Это трагедия целого народа, измученного вихрями, ветрами и сквозняками перемен, вынужденного скитаться по всей земле, в поисках «своего» уголка.

Мне приходилось много раз и от разных людей слышать, что, по крайней мере, где бы сейчас мы, евреи, ни жили, мы знаем, что у нас есть свой дом, свой клочок земли, куда мы можем в конце концов приехать. Когда станет невмоготу. И многие едут. Едут именно по этой причине - что жить там, где жили, стало невмоготу. То есть едут вынужденно, не от хорошей жизни. Есть, конечно, люди, сознательно выбравшие для себя жить на этой земле, сражаться за неё и, если нужно, умереть. Я никогда не занимался статистикой. Я просто общался с людьми, много общался. И могу сказать наверняка, что основной мотив эмиграции (или, точнее, репатриации в Израиль) – безысходность.

В начале 90-х страна, из которой люди уезжали, обворовала своих граждан до копейки, заморозив абсолютно все их вклады в сберегательных банках, сделав их окончательно нищими. Уезжали старики, всю жизнь проишачившие на эту страну и получавшие за это гроши, потом – жалкие подачки, именуемые «пенсией» и лишённые своих последних сбережений на собственные похороны. Уезжали молодые родители – просто потому, что не на что было кормить детей. Появилось огромное количество

беженцев – из-за междоусобиц и погромов. Люди не хотели ехать. Страна их заставила, вытолкала пинками под зад, обобрав окончательно – забрала за бесценок квартиры, да ещё и наплевала в душу брызгающей слюной жлобов-чиновников из ОВИРов, паспортных столов и таможен. А многим пришлось бежать из страны – почти в чём мать родила, спасаясь от чумы под общим названием «Решение национального вопроса».

Никогда не забуду рассказ одной бабушки, с которой мы познакомились в эпоху моей дворницкой работы. Она не еврейка – армянка. Израиль её принял как беженку. Во время погромов в армянском квартале Сумгаита, она и её подруга скрывались у своих азербайджанских соседей. Её подругу, тоже старую армянскую женщину, обнаружили в шкафу и просто выбросили с девятого этажа. А моя знакомая пряталась в антресолях, куда погромщики не догадались заглянуть. Так что она считает, что ей повезло. Но, на самом деле, это ещё вопрос, кому повезло больше. Потому что её подруга скончалась моментально. А эта несчастная женщина до конца дней приговорена до мельчайших подробностей помнить события того ужасного дня...

Другой случай мне рассказывал старик из села, на границе Молдавии и Приднестровья. В их школе был выпускной вечер. В самый разгар вечера в село вошли солдаты. Всех, кто не успел разбежаться, загнали в подвал. Раздели до гола. Угрожали, что пацанам отрежут гениталии а девчонок изнасилуют. И его, директора школы, глубокого старика, тоже раздели. Увидели, что обрезан. «Боже мой! Боже мой! - взывал старик. – Ты не видишь? Ты не слышишь?!» «Молись, паршивая жидовская морда! Молись, падла, чтобы лёгкой смертью подохнуть!» - гаркнул один из солдафонов. «И, понимаешь, - глотая слёзы, говорил старик.- Я ничего не мог ответить. Я, паршивая жидовская морда, инвалид войны, не смог врезать ему костылём промеж глаз...» В общем, чем-то его ударили и он потерял в сознание. А когда очнулся... нет, эту картину я описывать не стану... Они сделали то, что обещали... «Всё село как вымерло, - не то говорил, не то бредил старик. - И я так ненавижу себя за то, что продолжаю жить... И так хотелось кричать, взывать к богу, которого всё равно нет. Потому что, если бы он был, разве не услышал бы мои мольбы и крики о помощи?? Да что мои – всех этих ребят и девчонок!..»

...мне могут возразить: неужели эта страна так ужасна? Неужели она не сделала ничего хорошего своим настоящим и бывшим гражданам? И я отвечаю: нет, конечно, сделала. Многие ведь и не представляли свою жизнь где-то в другом месте, и были даже довольны своей жизнью. И для отъезжающих сделала - по крайней мере, в одном отношении для них страна была гуманна: делалось всё, для того чтобы человек, навсегда покидавший эту страну, пройдя всю бюрократическую и маразматическую цепь унижений, пакостей и издевательств бывшей родины, ни на секунду о своём шаге не пожалел...

А я сам... Что же я?.. Как щемило порой в груди от ностальгии – по климату, по природе, по родному киевскому двору, нестерпимо порой щемило от тоски по людям – даже по тем, с которыми почти и не общался. А прожив в Израиле три месяца, отрывок из речи президента на украинском (тогда на израильском телевидении была лишь одна получасовая русскоязычная программа «Новости») я выслушал стоя - я, который принципиально новостей не слушал и газет не читал.

Многие люди старшего поколения пытались организовывать разные землячества, чтобы хоть таким образом, через общение с себе подобными, не терять связь с бывшей родиной...

Один мой знакомый дедушка-фронтовик, изрёк как-то замечательную фразу: «Мы, старые большевики, собираемся на маёвку 7-го ноября в лес под Хайфу». Для того чтобы постичь глубинный смысл этой фразы, совсем не обязательно жить в Израиле. Во-первых, представьте себе «старых большевиков» где-то за бугром, в том же Израиле. Во-вторых, вообразите маёвку (на всякий случай, расшифрую: «маёвка» - от слова «май») 7-го ноября. И, для полноты картины, нарисуйте в своём воображении «лес» в условиях полупустыни. Теперь всё представленное совместите. Что получится? Бред старого маразматика? Я тоже примерно так вначале и подумал. А пожив в Израиле без малого год, понял: да не совсем. Просто человек всю жизнь прожил в одной стране. И, какой бы плохой страна ни была, но были же в его жизни и маёвки, и друзья – старые большевики, и какая-то радость. И не виноват, ну не виноват старый человек в том, что всю жизнь прожив в этой стране, вынужден был уехать – хотя бы для того, чтобы смерть его ни для кого не была обузой. Вот и живёт

виртуально прежней жизнью. А иначе ведь не умеет!..

Страна, в которую люди приехали, оказалась другой. Ни плохой, ни хорошей, а просто другой. Все призывы соответствующих фондов и организаций о том, что еврей должен жить на своей Исторической Родине, что именно там его дом, люди восприняли, пожалуй, слишком буквально. И ринулись. Из огня в полымя.

Страна оказалась многонациональной, под стать бывшему Союзу. Не смотря на то, что большинство – евреи (хотя теперь и это не очевидно). Просто, если меня в Израиле называли «русским», хоть режьте, не могу понять, что у меня может быть общего с марокканским евреем (которого я имею право с таким же успехом называть «марокканцем» или «арабом»), или с эфиопским евреем. И это притом, что у меня нет и никогда не было расовых или других предрассудков. Просто мы – представители разных культур, разного образа жизни, разного образа мышления. Разного, как сейчас принято говорить, менталитета. Мне возразят: так вы же евреи. Да, мы евреи. Но и представления о еврействе у нас совершенно разные. Мне ещё раз возразят: да вы же одной веры. Да, отвечу я. Но и молитвенные дома, которые мы посещаем, у нас разные. Если я в чём-то не прав, поправьте меня.

Да, Израиль такая же многонациональная страна, как бывший Союз. И, как в любой многонациональной стране, в Израиле полно враждующих группировок: религиозные и нерелигиозные, правые и левые, сефарды и ашкеназы, сионисты и интернационалисты... А какой раскол, например, внутри религиозных! Сколько там враждующих фракций и течений!

В памяти всплывают два периода времени: война в персидском заливе и катастрофа вертолётов израильских ВВС, столкнувшихся в воздухе. Это были леденящие душу моменты неоспоримой истины, когда крохотная многонациональная страна забывала о своих внутренних расколах и переживала трагедию так, что было ясно: здесь все – дети одной семьи. Где трагедия одного – это трагедия всех. Потом эти вспышки общего горя будут продолжаться – когда взорвут очередной автобус, когда подорвут дискотеку в Тель-Авиве... Вот и задаёшь себе вопрос в бессильном отчаянии: неужели должно происходить что-то ужасное и непоправимое,

чтобы мы периодически вспоминали о том, что мы – евреи и Израиль – наш дом?..

Страна, в которую приехали евреи, не отличалась высоким гостеприимством, видимо, считая, что сунув человеку в зубы два удостоверения – личности и репатрианта, и давая ему пол года денежное пособие, которого едва хватало, чтобы сводить концы с концами, она его непомерно осчастливила и оставила своим пожизненным должником. Многие возражат: мол, люди, которые сюда приехали, ещё ничего для этой страны не сделали, а она им сразу и бескорыстно даёт гражданство и деньги на первое время, так что уже за это они должны быть ей благодарны. А мне так не кажется. Ну, во-первых, не совсем эта помощь бескорыстна – при любом удобном случае тебя этими деньгами будут рады попрекнуть. А во-вторых, можно вспомнить, что страна в накладе всё равно не осталась: вложив в своих новых граждан гроши, она получила самое ценное – мозги, огромный интеллектуальный потенциал.

Ну, и в-третьих, давайте разберём простой житейский пример. Вот вы, допустим, живёте в доме, старом и ветхом: с крыши капает, перебои со светом, газом и водой... И поправить что-то абсолютно не в ваших силах. Но ничего, как-то привыкли, живёте, тянете лямку. Даже мало-мальски обустроили собственное жилище. Но тут появляется ваш родственник и говорит вам: зачем тебе всю жизнь маяться? переселяйся ко мне! Ты ведь тоже имеешь право на часть этого дома! (Допустим, кто-то из ваших предков там жил). У меня условия отличные! Будет у тебя отдельная комната, меблированная, в отличном состоянии, после ремонта, тёплая, занятие по душе тебе подыщем... ну и т.д. Вы срываетесь с насиженного места, бросаете всё, что у вас было, переезжаете к родственнику... Да нет, он вас не прогнал с проклятиями, даже поселил у себя. Но комната оказалась у него как-то не очень, ремонт был сделан давно и на скорую руку, мебель, хоть и новая, а вся какая-то разваливающаяся, род занятий у вас непонятно какой, хотя в своём деле вы прослыли неплохими специалистом, и оно, это дело, довольно полезное... Да ещё при этом вам постоянно внушается мысль, как вы должны благодарить вашего родственника за проявленную о вас заботу. Причём, внушается самим же родственником... Интересно, какие чувства вы будете испытывать по

отношению к нему?..

В Израиле люди не работают, - они там пашут. С утра до ночи. И не потому что нет законов о труде или профсоюза. Люди, как правило, сознательно себе выбирают такую жизнь. Потому что «деньги не пахнут». Потому что можно заработать и есть на что потратить эти деньги. А я такого жизненного уклада не понимаю. Вот приехал человек с дипломом врача. Понятно, трудно было ему адаптироваться. Но упорным оказался и башковитым. Сдал все необходимые экзамены – на иврите и английском, потом ещё что-то сдал, и ещё... За книгами сидел, подрабатывал, ночи напролёт не спал. Как раз это понятно: доказать, что ты в своём деле настоящий специалист, в любой стране и любой ситуации – дело чести. Но потом он получил право открыть собственный кабинет. Открыл. Сейчас работает в этом кабинете. И ещё в больнице, в которой раньше работал. И ещё продолжает брать ночные дежурства, почти всегда после рабочей смены, иногда по пять в неделю. Я его спрашиваю: зачем? А он мне: ну, дома семья, дети... Они купили квартиру, в доме у них есть всё: стереосистемы, компьютер. Машина тоже есть. Только отца и мужа дома не бывает – всё деньги ходит зарабатывать. А те редкие выходные, когда он дома, с утра до вечера беспробудно спит. У меня здесь два вопроса: 1. что это за семья, в которой мужчина выполняет роль раба? и 2. зачем эти блага нужны, если всё равно ими не можешь пользоваться? А он мне: ну, ради жены, ради детей... Да сколько ж можно жить ради кого-то? Это *твоя* жизнь, и другой не будет. Для себя когда жить начнёшь? Когда сам передвигаться не сможешь, и твои дети вынуждены будут жить для тебя?

...«Как жалко, что во время войны Гитлер вас не уничтожил! Иначе вы бы не навалили сюда в таком количестве!» - это слова еврея, коренного израильтянина, парня 19-ти лет. Интервью с ним опубликовала одна из местных газет. От такого – волосы дыбом, и горестный вопрос: неужели это тоже Израиль?

...Со своей продырявленной ногой я возвращался из поликлиники, ужасно хромая, под проливным дождём. Меня остановил случайный прохожий, израильтянин. Почти силком затащил к себе в дом. Напоил чаем и подарил новые туфли. Точнее, заставил примерить и, увидев, что туфли подходят, буквально всучил. Ни до, ни после я его никогда не видел. Я себе

говорю: вот это Израиль!

Мои хозяева, у которых я снимал комнату, старые евреи из российской глубинки, поначалу денег с меня взяли совсем немного. Эта сумма покрывала их расходы за коммунальные услуги и оставалась ещё чуть-чуть для жизни. Потом они решили, что берут с меня мало, и сумму решили удвоить. Я сказал, что не готов платить так много. Какое-то время они меня терпели, но при этом мне приходилось выслушивать замечания типа «Ты был в туалете по малой нужде, а воду слил так, как будто ходил по большой, мы же слышали!» Потом, когда им надоело терпеть, они сказали: не можешь платить как следует – уходи. И я ушёл. В тот же день. Захватив с собой сумки с вещами и кастрюлю супа, который жалко было выливать. Я его доел ночью в городском парке...

Меня приютила женщина, жившая в многоэтажном доме на улице, которую я убирал. Она жила одна в хорошей трёхкомнатной квартире и после смерти мужа как раз искала квартирантов. Квартплата была большой, и, естественно, её интересовали люди платежеспособные. Она меня пригласила к себе. Увидев обстановку, я понял, что надеяться не на что. И честно признался, что не смогу снимать у неё комнату по материальным соображениям. Но она меня решила приютить даже за ту мизерную плату, которую я мог ей платить. Правда, поселила меня почему-то в кухонной кладовке, конуре на 3 квадратных метра, с прорубленной нишей в кухню и без окна. И это в квартире, общей площадью почти 100 квадратных метров. Ну да ладно, спасибо и на этом. Одно неудобство: я должен был просить разрешения помыться. И каждый раз, когда я заходил в ванную комнату, у меня возникало ощущение, что она включала секундомер... Особенно трудно было в жаркие дни. Как-то во время хамсына (хамсйн – в переводе с арабского «пятьдесят»; пятьдесят дней в году дует ветер-суховея, с горячим песком из пустыни; столбики термометров в тени могут зашкаливать за 40 градусов...), я попросил помыться. А в ответ услышал: «Как?! Зачем? Ты же позавчера мылся!..» Перед моим отъездом она усадила меня напротив себя и серьёзно сказала: «Я считаю, что сделала для тебя слишком много хорошего, и ты мне многим обязан. Если ещё раз сюда приедешь, запиши список моих поручений...»

Израиль – возможно, единственная страна в мире, где большинство

населения живёт в долг государству, имея постоянный «минус» на банковском счету. И государство к этому относится нормально. Все живут сегодняшним днём. Потому что завтра может быть война. Война может быть в любую минуту.

Я вспоминаю, как уже во время моего второго приезда и учёбы в университете Бар-Илан, прямо посреди лекции раздался страшный грохот. Лектор оборвался на полуслове и удивлённо встревожено, но вполне обыденным тоном спросил аудиторию: «Что? Война?» Оказалось, нет, всего лишь кто-то споткнулся на старой деревянной лестнице, ведущей к нашему корпусу с улицы...

Работая дворником, я чуть ли не каждую неделю вызывал полицию, заметив подозрительный пакет на улице. Полицейские приезжали через несколько минут, оцепляли улицу, пускали в действие миноискатель... И в очередной раз у людей, собравшихся вокруг, вырывался глубокий вздох облегчения: во время расстреливания подозрительного пакета, из него вытекало молоко или вдребезги разлетались треснутые яйца – какая-то старушка на секунду оставила пакет без присмотра... Но не было в этом ничего смешного. Страна живёт в постоянной готовности к взрывам, несчастьям и войне.

В начале 90-х о трудностях в Израиле как-то почти не предупреждали. Всё больше говорили о гостеприимстве, огромном потенциале и передовых технологиях. Ну, и ещё о том, что каждого вновь прибывшего встретят и обогреют... В лучших советских традициях. В общем, ехали люди в один Израиль, а оказывались совершенно в другом. Многие излечивались от идеи «Исторической Родины» за год жизни там, понимая всю утопичность идеи.

А для меня самого понятия «Исторической Родины» не существует. Я так понимаю, что родина, если уж следовать этимологии этого слова, одна, и её не выбирают. Если же говорить об Израиле, у меня к нему отношение очень неоднозначное. Я действительно люблю эту крохотную страну, переживаю за её судьбу, и с момента возвращения внимательно слежу за событиями, там происходящими. И любой теракт отзывается болью в моём сердце. Но... я, наверное, могу любить Израиль на расстоянии. Так бывает: ты любишь этого человека, заботаешься и

переживаешь о нём, искренне желаешь ему счастья... а вот жить с ним под одной крышей не можешь. И поэтому я вернулся обратно...

18

Но перед моим возвращением был ещё ульпан «Акива», в который я поступил незадолго до отъезда.

В ульпане я впервые встретил *его*. Он – замечательный лектор, пожалуй, даже больше оратор; с неординарным чувством юмора и импровиза. Очень импонировала *его* манера держаться на сцене – театр одного актёра. Постоянный контакт с залом, чувство аудитории. Лёгкость и изящность построения фраз. И при всём этом – едкий сарказм, иногда на грани грубости. Но это можно простить – талантливым людям многое прощается.

Это потом судьба столкнёт нас в киевском универе, и вопрос о нашем мирном сосуществовании встанет ребром. Всё это будет потом. А пока... я сидел на *его* лекции – лекции о Чуде Избавления, и судорожно глотал воздух. Потому что эта история открыла для меня ещё один Израиль. Я её расскажу сейчас. К сожалению, не дословно. А лишь по памяти. Прошло уже 13 лет, а я всё ещё довольно подробно помню эту историю. Но лучше было бы, если бы вы её услышали от *него*. Просто у меня так не получится.

- Речь пойдёт о событиях Шестидневной войны 1967-го года, когда выражаясь языком советских средств массовой информации, «израильские агрессоры вероломно, без объявления войны, напали на три суверенных арабских государства – Египет, Сирию и Иорданию». Результаты войны известны. За шесть дней израильская армия остановилась в 30-ти километрах от Дамаска (столицы Сирии), в 20-ти – от Аммана (столицы Иордании) и в 70-ти – от Каира (столицы Египта). Возмущённый голос мировой общественности встал на защиту суверенных арабских государств. Я не политик и не стратег, так что углубляться в подробности не буду. Скажу только, что любому вменяемому человеку понятно – армия, численность которой в разы меньше численности армий противника, первой не нападёт.

Ещё одна оговорка. Я противник войн и конфликтов. И идея этой истории – отнюдь не преподнести силу и мощь нашей военной машины.

Хотя, напомнить об этом кое-кому лишним не будет. Мой рассказ – о другом.

Победа в этой войне была одержана, как вы понимаете, не численностью. Победа была одержана благодаря новой для того времени тактике ведения боя – самолётной войне. Эту же тактику пытались применить американцы в Ираке, во время войны в Персидском заливе. Тактика, на первый взгляд, довольно проста: взрываются все аэродромы вражеской стороны. В результате ни один самолёт не может подняться в воздух. Дальше действует артиллерия при активной поддержке авиации. В первом случае израильские ВВС успешно справились с этой задачей, и во многом благодаря этому война закончилась через шесть дней. Во втором случае, американцы, думая, что бомбят иракские аэродромы, разгромили всего лишь турецкую бутафорию на территории Ирака, и из-за этого война затянулась на недели.

Я хочу вам рассказать о лётчиках израильских ВВС, летевших на выполнение этого задания. 142 экипажа, по два-три человека. Молодые ребята, отборные, лучшие пилоты. Их миссия была предельно ясна: пересечь вражескую границу, добраться до объекта, уничтожить объект и попытаться вернуться, перелетев вражескую границу в обратном направлении. Дважды пересечь границу врага... долететь до цели... цель уничтожить... Ребята стояли на боевом плацу перед вылетом и понимали всю сложность задачи, и ещё больше понимали, как невелика вероятность их возвращения... Им, этим мальчикам, должен был кто-то сказать слово, напутственное, главное...

В израильской армии есть такая должность – военный раввин. Специально для напутственной речи из Иерусалима прилетел Главный военный раввин Армии Оборона Израиля.

«Дети мои! – обратился он к стоящим на плацу пилотам. – Посмотрите последний раз на это небо и землю. Посмотрите последний раз на своих родных и близких. Посмотрите последний раз на всё вокруг. Посмотрите последний раз, ибо больше вы этого никогда не увидите. Но я хочу вам сказать: вы можете спать спокойно. Потому что страна никогда не забудет своих героев, и ваши родные и близкие проживут остаток дней своих в довольстве и достатке... Прощайте, дети мои! Вечная вам память.»

Какой-то бред, не так ли? Людей отпевают, заживо хоронят, да ещё и перед таким ответственным заданием!

...142 боевых экипажа поднялось в воздух. 141 боевой экипаж успешно вернулся обратно. Один самолёт совершил вынужденную посадку в пустыне Синай, но его экипаж остался жив.

- ...и вот, когда вы слышите чьё-то жалкое бляенье, что чудес не бывает, - подытожил *он* свой рассказ, - всегда вспоминайте об этой необычной истории...

В нашей группе в ульпане «Аки́ва» учились американец, канадец, англичанка, семья из России, девушка из Эфиопии и три девушки-палестинки из сектора Газа... Тогда ещё не было палестинской автономии, но зато было относительное затишье в стране.

Мияссáр, с которой я как-то сразу сдружился, работала в секторе Газа в школе, преподавала иврит палестинским детям. В самом начале нашей учёбы она ездила в Рамáллу, на свадьбу старшего брата. Потом, лукаво подмигнув, сообщила мне, что после этого брата, согласно обычаям, её очередь выходить замуж. Она живо интересовалась обычаями моей страны. Пыталась изучать русский, даже выучила три фразы: «Я из Палестины», «Я немного говорю по-русски» и «Я тебя люблю». Обучала меня арабскому. Так что я почти освоил вязь.

В канун праздника Пёсах мы поехали всем ульпаном в Кфар Хабба́д – деревню, которую населяют последователи соответствующего учения в иудаизме. Зашли в местную синагогу. И вот там произошло такое, о чём я до сих пор вспоминаю со слезами на глазах... Потому что ничего подобного уже, наверное, никогда не увижу...

Кроме наших девушек из сектора Газа, в других группах ещё учились несколько парней-палестинцев. И вот ребята-палестинцы в хаббадской синагоге, одев поверх куфий кiпы (куфия – традиционный палестинский головной убор; кiпá – традиционный головной убор иудея) взявшись за руки - с нами и с местными евреями-хабба́дниками, пошли отплясывать «семь-сóрок». Мияссáр и её подружки тоже порывались танцевать. А когда узнали, что можно танцевать только мужчинам, уселись на лавочке и звонко хлопали в такт... Вот о таком Израиле хочется мечтать, и в таком Израиле хочется жить!

И когда я слышу о новом взрыве, мне хочется закрыть глаза и

мысленно перенестись в то счастливое время, в ту хабба́дскую синагогу, кружиться в танце с теми палестинскими мальчиками, и верить, что после этого вечера и после этих танцев ничего злого на нашей земле уже не случится. Потому что в хабба́дской синагоге евреи и палестинцы, взявшись за руки, танцуют «семь-со́рок» в праздник Пёсах...

Во время учёбы я провёл открытый урок, после которого мне предложили, по окончании ульпана, остаться в нём работать. Более чем заманчивое предложение. Но за это время столько всего произошло... Дома меня ждали родители, да и билеты на обратную дорогу были на руках... Словом, я решил больше не искушать судьбу. Поблагодарил мою учительницу Нíли и директора ульпана, 85-ти летнюю Шуламít Каценельсон за заботу. И, окончив курс, пришёл попрощаться.

Я подарил Мияссáр музыкальную открытку с розами, она мне – детские книжки на арабском.

- Владими́р! – сказа она проникновенно. – Ты так дорог для меня!

- Ты тоже, Мияссáр! – ответил я растроганно.

- Владими́р, скажи, ты меня любишь? – вдруг просто спросила она.

- Да! – так же просто и неожиданно для себя ответил я.

- Я тоже тебя люблю! И если бы ты был араб, мы бы с тобой поженились! – мечтательно улыбнулась она. – Не забывай меня!..

Я улыбнулся. Я на минутку представил себе, как в аэропорту меня встречают родители. А я - с молодой женой-палестинкой, и в куфиé... И стало смешно. Смешно и немного грустно...

19

Мы сидели на тель-авивском пляже, на самом солнцепёке, в разгар хамси́на. Горячий ветер с песком забивался в уши, ноздри и глаза... Кучка отдыхающих пряталась от солнца в тени; изредка люди выходили к морю – окунуться, и опять прятались в тень. На нас смотрели как на полных идиотов, потому что мы никуда не прятались. Мы лежали на пляже и играли в карты – «на одевание»...

Ну что за прелесть, спрашиваю я вас, лежать на тель-авивском пляже, в самый разгар хамси́на и играть в карты «на раздевание»? Что там уже можно снять и чем удивить народ? А вот «на одевание» - это да! Я

сидел после проигранной партии в свитере, ещё двое парней - в тёплых ботинках, одна девушка – в дублёнке на голое тело... Так с моими новоиспечёнными израильскими друзьями мы провожали меня. Завтра улётал мой самолёт.

Игорь не сможет меня проводить – учёба, работа... Поэтому попрощались мы утром. А днём я приехал в Тель-Авив, созвал на пляж всех, с кем успел здесь сдружиться – коллеги по разным работам, одногруппники, бывшие ученики, и даже Арик, завхоз ульпана «Акива», приехал.

Завтра будет всё как сон – горячий песок, знойный пляж... А сегодня – сегодня мы вываливались в песке, плескались в море и катались от смеха, счастливые и довольные этой своей безумной затеей – в разгар хамсына, на тель-авивском пляже, в самый солнцепёк, играть в карты «на одевание»...

20

У меня очень своё отношение к Б-гу. Основная мысль, на которой зиждется моё отношение – это что Б-г один, но пути к нему неисповедимы. То есть у каждого свои. Человек волен относить себя к какой угодно конфессии. Это его личное дело. Лишь бы ему было от этого светло на душе. Лишь бы умножалось Добро и исчезало Зло.

Единственное, чего я не приемлю – это когда первого встречного начинают приобщать... перетягивать на свою сторону. Вот тут всё моё существо бунтует не по-детски...

Вернувшись в Киев, я ещё довольно долгое время – сила привычки и ностальгии – слушал только израильскую музыку и книжки читал только на иврите.

В метро меня схватила за рукав девушка с горящими глазами:

- Молодой человек! – почти кричала она. – Вступайте в нашу организацию! Вступайте! Я вижу! Я знаю! Вы достойны!

Ну, вылитая комсомолка времён разгара Советской власти! «Товарищ! Поехали с нами на Целину!»

- Девушка, милая, - попытался вежливо отбрыкнуться я. – В своей жизни я столько раз уже вступал в разные места, что чистого места на мне не

найти...

- Нет-нет! Вы не понимаете!- девушка упорно семенила рядом. – Вы читаете книги на святом языке! А у нас организация святая!

- Какая же? – устало поинтересовался я.

- Методисты-евреи за Христа! – торжественно провозгласила девушка.

Эт-того только мне ещё не хватало! Нет, я ничего не имею против – ни методистов, ни евреев, ни Христа. Но причём здесь я?!

- Нет, девушка, я другую организацию представляю.

- Какую, какую? – не отставала девушка.

- Иудохристиане за Аллаха! – вырвалось у меня.

И девушка остановилась, замерла, как вкопанная...

21

А ещё одна девушка пленила меня как-то широтой своих взглядов и разительными контрастами.

Возвращаюсь как-то домой. Смотрю, впереди идёт некое симпатичное создание противоположного пола с большой сумкой. Ускорил шаг, догнал её.

- Разрешите, - говорю, - помочь вам.

Девушка, мило улыбнувшись, разрешила. Так что я даже удивился – не боится незнакомому человеку доверить сумку. А подняв её ношу, сразу понял, почему не боится: с такой сумкой не то что убежать, даже долго идти нереально!

Разговорились. Девушка оказалась образованной. Учится в торгово-экономическом университете, курсы разные посещает – от кройки и шитья до Евангелия, несколько языков иностранных знает. Потом оказалось, девушка из Одессы. Я так обрадовался!

- Ой, Одесса! Какой чудесный город!

- Что вы, какой он чудесный! – на улыбчивое личико девушки мгновенно набежала тучка. – Уж-жасный город! Жуткий!

- Почему? – удивился я.

- Как, почему? – в свою очередь, удивилась девушка. – Что, вы не знаете? Сейчас всю Одессу заполонила еврейская мафия! Нет проходу от этих евреев!

(К слову сказать, это было намного позже массовой волны эмиграции; интересно, и где она евреев видела, да ещё в таких количествах?)

Я сделал суровое лицо:

- Что же вы не избавитесь от этих... бандитов?

- Какое «избавитесь»?! Знаете, почти все русские из Одессы давно уехали! А нам, оставшимся русским, эти евреи не дают прохода! Их так много!!

И грустно так, почти томно, при этом улыбается. Сочувствия ищет, сопонимания... Ну, я мальчик воспитанный, поддерживаю светскую беседу:

- А как вам Киев?

- О, Киев – прекрасно! – лицо девушки вновь озаряется. – Я сюда приезжаю, как к себе домой.

- Что... нет здесь евреев? – вкрадчиво интересуюсь.

Ответом мне был радостный такой, звонкий смех:

- Ой, нет! Слава богу, здесь их нет, знаете!

Какая милая, хорошо воспитанная девушка!

За этими разговорами время пролетело незаметно. Мы подошли к дверям её общежития. Девушка сказала «спасибо» и потупилась, слегка покраснев, видимо раздумывая, давать мне номер мобильного или нет...

- Девушка! – сказал я, прикрываясь лёгким смущением. – Хочу вас поздравить! - (её бровки удивлённо изогнулись, изобразив дугу). – Сегодня в вашей жизни знаменательный день: вы познакомились с первым киевским евреем!

В этот момент девушка подняла было сумку, но сумка вывалилась у неё из рук...

А я ушёл, не оборачиваясь. Не люблю экзекуций.

...когда я эту историю рассказал дома, мама тяжело вздохнула:

- С твоим еврейским счастьем... Вместо того чтобы познакомиться, наконец, с нормальной девочкой, ты даже одесситку-антисемитку умудрился найти!..

22

Мы возвращались из театра Ивана Франко тёмным заснеженным городом. Снега накануне намело столько, что весь район Липок казался каким-то нереально-сказочным, наподобие Китежграда из фильма «Чародеи». Улица Банковая переливала огнями, деревья протягивали нам

свои доверчивые ветвисто распушенные лапы, с крыш домов нарядными ёлочными гирляндами свисали сосульки... а надо всем этим – небо, большое, бледно-малиновое, с редкими вкраплениями проступающих звёзд. И вокруг – ни души. Зимний город впадал в сладкую дрему...

Какой уже раз я смотрю свой любимый спектакль «Тевье-Тевель» по Шолом-Алейхему! Страшно сказать! Я видел эту постановку на российской сцене - с Ульяновым, с Леоновым... Но так, как играет наш Богдан Ступка... Каждый раз я открываю для себя что-то новое, хотя знаю пьесу почти наизусть – я ведь смотрю её каждый год.

Но этот раз – особенный; сегодня мы смотрели его с Сашей. Повзрослела моя бывшая подопечная второклашка – оглянуться не успел. И теперь вот, как выражается Сашина мама, свиданничает со мной...

Странно мы, наверное, смотримся: я, взрослый дядька, под тридцать, и она – тоненькая девочка, ученица выпускного класса школы...

Последнее время я активно приобщаю Сашу к «своим» авторам – Феликсу Кривину, Эфраиму Севелле, Дине Рубиной. К Шолом-Алейхему вот... «Мастер и Маргарита» для нас обоих – настольная книга...

- Знаете... хороший спектакль. Да. Очень хороший. Я вот всегда сужу по ощущениям, которые остаются после. Понимаете...

- Понимаю... только, пожалуйста, перестань мне выкать! Что за привычка, Саша? Мы же не в классе!

- Ой, да извини! Так вот: у этого Богдана Ступки еврейская душа, понимаешь? Так играть может только человек, который всё это на себя примерил!

Здорово сказано! И добавить, в общем-то, нечего...

- А помнишь, как ты мои работы проверял, и мы спорили, ты тогда сказал, что за оценки спасибо не говорят...

- Я помню хорошо. Мне удивительно, что ты помнишь.

- Что ж тут удивительного? А скажите, пожалуйста... ой... ну, скажи... когда ты обратил на меня внимание?

- А когда ты конструировала чего-то, и мальчишки вокруг тебя сгрудились.

- Да? Я ж тогда маленькая была!

- Ну и что, что маленькая? А сейчас большая, да?

- А сейчас - большущая, ужас просто! Метр шестьдесят четыре! А ты что, и ревновал тогда меня?.. ну, не по-взрослому, конечно, а так... к

мальчишкам, к тому, что я - лидер класса?.. ну, признайся честно, ревновал, да? ну, хоть капельку... капельюшечку...

- Капельку – да...

- И бегал к нам, чтобы меня увидеть?

- Чтобы всех увидеть... и тебя.

- Но меня чуть больше увидеть хотел, да?

- Да...

Эта молниеносная смена настроений, мимика лица, за которыми так интересно, смешно и приятно наблюдать... Вот задумалась, взгрустнула...

- Саш, а хочешь пойдём в гости к моей Татьяне Юрьевне?

Радостно оживилась:

- К твоей Татьяне Юрьевне? Хочу! Пошли! Когда?

- На днях. Я ей позвоню, скажу. Она обрадуется.

- А хотите, Владимир Леонидович... - вдруг резко посерьёзнула.

- Ты опять за своё?!

- А хотите, Владимир Леонидович... - упрямо повторила Саша, - я вас ща-а... как повалю с сугроб!..

Мы падали в сугробы, вываливались в снегу, вскакивали и хохотали над причудливыми формами, остававшимися после нас в сугробах. Опять вскакивали, опять вываливались, и снова хохотали...

- Ну всё, - сказал я, отряхивая Сашину шубку после очередного падения, и пытаюсь принять вид строгого старшего друга: – Идём домой, а то твоя мама нас приберёт!

Саша поймала меня за руку и вдруг опять стала серьёзной:

- А ты помнишь, что Пушинка тебе когда-то написала в дневнике?

- Конечно помню, Сашуня...

Потупилась. Подошла ближе. Взяла мою вторую руку. Тихо сказала:

- Владимир Леонидович, это была не Пушинка...

- Я знаю, Солнышко...

Подняла голову. Своими большими серо-зелёными глазами пристально посмотрела мне в душу:

- Владимира Леонид... Вовочка... скажи что-нибудь...

А на завтра был вечер в моём бывшем 2-м «А», теперь уже 11-м «А» классе. Мы сидели рядом, рука в руке. И было хорошо, волнующе и сладко.

Она, возможно, была ещё слишком юной, а я уже довольно взрослым, но мы были так похожи! Восторженно-горящие глаза, загадочно улыбающиеся лица, отчаянно потрескавшиеся и слегка опухшие губы от бесконечных поцелуев на морозе...

Летом Саша улетала в Италию, на учёбу. Я провожал её в аэропорту. Проводил – и ничего не сказал... Ни тогда, перед прощанием, ни во время наших телефонных разговоров.

А следующим летом она позвонила и сообщила, что выходит замуж.

- Ты ведь тоже женат, - со вздохом сказала она.

Эта фраза меня оглушила.

- Саша, я был женат! Но это было тогда ещё, когда ты училась во втором классе. А через год я развёлся.

В трубке воцарилось молчание.

- Алло, Саша! Ты меня слышишь?!

- Ты развёлся? Почему же ты не сказал раньше???

- Я думал, ты знаешь...

Вот уж, действительно, балда! Откуда она могла знать?!?!

А она всё повторяла:

- Почему ты мне ничего не сказал?.. Почему ничего не сказал?..

А ещё через год у них родится сын, и они с Антонио назовут его Володей...

23

Нас с Шимиком свела судьба в далёком теперь 1994-м, и после этого, слава Б-гу, не разлучала. Был, правда, университет Бар-Илан, в который сначала поехал учиться он, а потом я... Почта работала более чем странно, и письма приходили необъяснимым образом. Вчерашнее письмо, например, могло прийти через месяц, а написанное через неделю – приходило за несколько дней. Отсюда и знаменитая фраза Шимики: «Я так подозреваю, что некоторые твои письма до меня не доходят». И мой, не менее крылатый на это ответ: «Если не доходят – перечитай ещё разок!»

Мы представляли собой колоритную парочку – маленький, толстый,

бородатый Шимик, едва до плеча мне доходивший, и высокий, худощавый (в сравнении, с Шимиком, конечно!), безбородый я. Такие себе современные Штепсель и Тарапунька. Один шаг моих длинных ног равнялся двум шагам его коротких. Так что я всегда широко шагал, а он мелко семеня рядом, да ещё с сигаретой во рту. Тихо разговаривать у нас не получалось. Говорили одновременно, хором, с разными акцентами – от правильного-таки одесского до кавказского, панымаишь, иногда с элементами эстооонского...

Нам было достаточно просто стоять рядом и ничего не говорить – окружающим уже было смешно. «Мои клоуны» - часто говорила нам Яффа, бывшая посланница по образованию в Сохнүте.

Ни одна совместная поездка, будь то в общественном транспорте или на отдых, не обходилась у нас без курьёзов и приключений. А поездки в универ – вообще отдельная история!

Одно время нам приходилось ездить в универ на маршрутках. Маршрутки шли разные – любая подходила, и это уменьшало вероятность попадания на одного и того же водителя. Ехать нужно было всего-ничего – пять минут. Но и за это время мы умудрялись творить нечто. Скучно нам было, видите ли...

Так вот. Сценарий нашей поездки в маршрутке был таков. Мы садимся друг напротив друга, я - обычно по ходу движения, Шимик – спиной. При этом делаем вид, что друг с другом не знакомы. Я обстоятельно изучаю Шимику; Шимик же абсолютно безучастен, как бы погружён в размышления. Через некоторое время я говорю почти шёпотом, но таким голосовым посылом, чтобы слышала вся маршрутка (на репетициях у Татьяны Юрьевны научился!):

- Простите, пожалуйста, вы у меня вызываете доверие... Можно, я вам страшный политический анекдот расскажу?

Шимик медленно фокусировал свой якобы невидящий взгляд на мне, какое-то время делал вид, что пристально меня изучает, потом подозрительно любезно говорил:

- Да-да, я вас слушаю!

Дальше следовал заготовленный анекдот в моём исполнении:

- Семидесятые годы. Время глубокого застоя. Поезд. Купейный вагон. В купе едут три человека. Двое беспрестанно травят политические анекдоты,

третий испуганно оглядывается по сторонам... Затем этот третий не выдерживает и говорит своим попутчикам: «Ребята, вы бы прекратили со своими анекдотами, а? Ведь в такое время живём – стены имеют уши!» Те двое от него отмахиваются: «Да брось ты!» - говорят.

Через какое-то время этот третий выходит из купе и направляется к проводнику. «Извините, - говорит. – Не могли бы вы ровно через пять минут принести в наше купе чашку чаю?» «Нет проблем!» - отвечает ему проводник.

Он засекает время, возвращается в купе и по истечении пятой минуты сообщает своим попутчикам: «Ребята, вы не верили, что здесь стены имеют уши? Вот, пожалуйста, смотрите!» – и хлопает в ладоши: «Товарищ майор, будьте добры, чашку чаю!» В это время открывается дверь купе, входит проводник с чаем...

Те двое испуганно умолкают и ложатся спать. Сам шутник, через некоторое время, тоже засыпает, весьма довольный собой...

Просыпаясь утром, видит следующую картину: его попутчиков след простыл, зато за столиком сидит капитан КГБ и составляет протокол...

«Простите, - лепечет шутник испуганно, - а где же мои попутчики?» «Как же... взяли их за политические анекдоты!» - сообщает капитан. «И что... я, как соучастник, тоже прохожу по этому делу?» «Нет, вы – нет! – уверяет капитан. – Просто товарищу майору очень понравилась ваша шутка с чаем!..»

После моего анекдота Шимик какое-то время молчит, вроде переваривая информацию, а потом изрекает:

- Так-так... А вы знаете, чем вы отличаетесь от меня?

- Не-ет... - удивляюсь я.

- Тем, что у меня есть такое удостоверение, а у вас нет! – с этими словами он достаёт бейджик Израильского культурного центра, на котором мелко написано: «преподаватель ульпана». Но мелко – всё равно не видно. А видно – то, что крупно. А крупно – это фотография и печать.

- А вы знаете, - слегка повысив голос продолжает Шимик, - чем вы отличаетесь от пассажиров этого маршрутного автобуса?

- Не-ет... - уже с явным испугом говорю я.

- Тем, что пассажиры поедут дальше, а вы выйдете здесь со мной!

В это время маршрутка подъезжает к нашей остановке, и Шимик обращается к водителю:

- Остановите здесь, пожалуйста!

И выводит меня под руку...

Эффект был просто ошеломляющий! Мы жалели, что нас не снимала скрытая камера! Даже не столько нас, сколько лица сидящих рядом пассажиров!..

Всем известно, что если постоянно отрабатывать один и тот же трюк, можно прийти до высшей степени совершенства. Мы отрабатывали наш трюк месяцами, и у нас, естественно, с каждым разом получалось убедительнее.

Потом мы начали импровизировать. Я делал вид, что сопротивляюсь, спрашивал: «Может, не надо?»

- Надо-надо! – убедительно говорил Шимик. – Сами знаете, время сейчас какое!

Хватал меня под локоть и, как пьяного разбушевавшегося подростка, выводил на улицу – меня, который вдвое выше его...

Однажды перепугавшийся водитель на просьбу-требование Шимики «Остановите здесь, пожалуйста!», заикаясь, уточнил:

- 3-3-здесь?

- Да-да, здесь! – ответил уверенный в себе Шимик.

А потом мы настолько отточили наше «выступление», что стало как-то скучновато, да и время тянуть приходилось – чтобы вовремя закончить. Тогда возникла ещё одна идея. После моего анекдота я должен задать Шимику вопрос: «А вы знаете, чем пудра отличается от профсоюзов?» «Нет», - по сценарию должен удивиться Шимик. «Тем, что пудра – до лица, а профсоюзы – до задницы!» - должен радостно сообщить я ему. После этого следуют две его известные реплики «А вы знаете, чем вы отличаетесь от меня?», «А вы знаете, чем вы отличаетесь от пассажиров этого маршрутного автобуса?» «Нет! – должен был возразить я. – Вы не поняли! Я имел в виду американские профсоюзы!» «Нет! – после непродолжительного раздумья решительно нужно было заключить Шимику. – Раз до задницы, значит, вы имели в виду наши профсоюзы! Пройдёмте!»

Мы «срезались» на премьере. Попросту говоря, меня переключило. Я рассказал первый анекдот, спросил:
- А можно я вам ещё что-то расскажу?
- Да-да, конечно! – с готовностью отозвался Шимик. – Я вас слушаю!
И вот тут я произнёс бог-весть откуда взявшуюся фразу:
- Один мужик послал профсоюзы в задницу!
И замолчал...

Шимик смотрел на меня широко открытыми глазами, потом вдруг в полный голос спросил:

- Ну, и что ты такое сказал?

И мы просто неприлично громко заржали... И с тех пор больше со «сценарием» не экспериментировали...

Религиозные евреи свято чтут субботный день. В этот день, согласно Торе, можно делать только «полное ничего», то есть лишь отдыхать и веселиться. На самом деле, это очень тяжело. Нельзя пользоваться, например, электронагревательными приборами, нельзя включать свет, нельзя переносить что-либо (кроме как в пределах закрытого помещения). Поэтому в канун наступления субботы (по еврейскому календарю новый день начинается накануне вечером, с выходом на небо первой звезды) в религиозных домах заранее включают свет, субботнюю трапезу ставят на специальный обогревательный прибор, который в течение суток поддерживает необходимую температуру. Даже туалетную бумагу подготавливают заранее – разрывают на кусочки. Потому что рвать туалетную бумагу – это тоже считается работой... А если у человека в субботу, извиняюсь, понос и ему заготовленной бумаги недостаточно? Как быть тогда? Говорят, эти и подобные вопросы решаются даже на уровне Кнэссета – израильского Парламента. Представьте себе, если бы на сессии Верховной Рады поднимали вопросы о туалетной бумаге – как её использовать, как измерять в человеко-метрах... Что это, полное отсутствие проблем? Средство борьбы с хроническим безделием? А может есть что-то, чего мне не дано понять? Не знаю. Да я бы, честно говоря, об этом и не задумывался, если бы мы с Шимиком не столкнулись с этой проблемой лично...

Приехала как-то в Киев религиозная израильтянка по имени Рўти. Поселилась на Подоле, вблизи синагоги. И пошли мы с Шимиком вечером,

в канун субботы, её выгуливать. На улице – зима, снег, десятиградусный мороз. Для Рўти это экзотика, она восторгается всем – погодой, снегом, киевской архитектурой, обледенелым Днепром... Посетили синагогу, под вечер провожаем Рўти домой. А она уж не щебечет от радости – какое там! – холод пробрал бедную девочку. побыстрее бы в тёплую подольскую квартиру, да под одеялко!

Подходим к подъезду... О-па! А замок-то кодовый! Ну, в смысле, чтобы войти, пластиковой электронной карточкой нужно в замке провести. А нельзя! Это работой считается! А работать в субботу, как известно, грех! Я говорю:

- Ну, давай эту карточку, я проведу, или Шимик.

А она:

- Вам нельзя, вы же тоже евреи!

Можно, значит, только неевреям. А где же мы ей, блин, нееврев, на ночь глядя, в тёмной подольской подворотне найдём?!

Мы уже разные варианты прорабатывали. Везти её к кому-то из нас тоже нельзя, потому что транспортом в субботу пользоваться запрещено. Пешком – до утра не доберёмся... Что делать? А она:

- Попросите, говорит кого-то из местных, чтобы дверь нам открыли. Объясните, что нам нельзя в субботу, потому что мы евреи...

Ну да! Во-первых, где гарантия, что и местные – неевреи? Подол, он ведь район тот ещё... Но это бог с ним! Представьте себе картинку: двое мужиков и девушка в тёмном переулке пристают к одиноким прохожим с просьбами открыть им дверь подъезда... А если ещё сказать, что мы евреи, и нам нельзя, так неизвестно, кто раньше за нами приедет – наряд милиции или санитары из психбольницы Павлова, которая отсюда совсем недалеко...

В общем, ситуация практически безвыходная. А тут ещё Рўти, подпрыгивая поочерёдно то на правой, то на левой ноге, дрожащим от пробравшего насквозь мороза голосом одну и ту же фразу зубами выстукивает:

- Вот видите, как трудно быть евреями!

...Спасение пришло неожиданно, в лице десятилетнего парнишки, который в домашних тапочках пересекал двор. Видимо, засиделся в гостях у друга из соседнего подъезда... Ну ничего, теперь домой вовремя будет

возвращаться. Потому что этот вечер запомнится ему надолго...

Сообразив, что это наш практически единственный шанс, я вполголоса даю команду:

- Шимик, окружаем!

Подошли к парнишке с двух сторон, взяли его под руки:

- Идём, - говорим. – Помощь твоя нужна.

Он, бедненький, от страха так и повис у нас на руках...

Подвели, точнее, поднесли его к подъезду. Я взял у Рўти электронную карточку, передал её мальчишке.

- Дядя, а что с ней делать? – спросил он дрожащим голосом.

- Рўти, что с ней делать? – спросил я на иврите.

- Провести вот так, - Рўти изобразила жестаами, как именно провести.

- Провести вот так, - сказал я мальчику, в точности копируя движения Рўти.

Мальчик провёл карточкой по замку.

- Что дальше? – обречённо спросил он.

- Что дальше? – спросил я Рўти на иврите.

- Всё, спасибо, - ответила она.

- Всё, спасибо, - сказал я мальчику.

- В-в-всё??? – не мог поверить своему счастью мальчик.

- Всё, всё, - подтвердил Шимик! – Свободен!

Бедный мальчик, видимо, боясь, что мы передумаем, зайцем прошмыгнул через двор и скрылся в своём подъезде.

- Вот видите, как трудно быть евреями! – торжественно повторила Рўти, после того, как мы вошли в квартиру.

...У него очень хорошо поставленный строгий голос. Когда нам нужно протолкаться сквозь толпу где-нибудь в подземном переходе, я всегда пропускаю Шимика вперёд. От его реплики «Осторожно, краска!» люди шарахаются в стороны, чуть ли не бросаются врассыпную.

Заходя в общественный транспорт, он может сказать: «Так, здесь, пожалуйста, билетики на проверку!» И люди спешно роются в кошельках-бумажниках, а некоторые стремятся укрыться в салоне или спрыгивают на улицу, если стоим на остановке... Пробовали один раз тот же трюк в метро. Шимик зашёл и говорит: «Предъявите, пожалуйста, проездные документы!» Действует! Многие начинают растерянно что-то искать в

карманах...

В кассе родного универа, в день зарплаты, когда выстраивалась километровая очередь наших коллег, мы подходили к заветной двери с головы очереди, и на полном серьёзе спрашивали того, кто стоял первым: «Скажите, а кто сейчас зашёл – мужчина или женщина?» Если отвечали «женщина», Шимик говорил: «Ладно, мы подождём» А если – «мужчина», он решительно оборачивался ко мне: «Заходим, можно!»

«Софочка! – обращался он непосредственно к кассиру. – Вы помните, что наши фамилии «Итóго» и «Всéго»? Вот мы у вас, в самом конце списка...»

Мы проработали в универе 11 лет, с самого его основания. Пользовались расположением и полным доверием ректора, который советовался с нами, когда универ должен отдыхать, в связи с еврейскими праздниками. Очень любили писать «служебки» и объяснительные по разным поводам – опозданиям, неприходам на работу в праздничные дни (когда, по недоразумению, универ работал, а мы – нет), отчёты по проведению различных мероприятий, которые мы со студентами придумывали в бесчисленных количествах...

Все эти писания начинались примерно так: «Милостивый наш государь (такой-то)! (В такой-то день) Ваш покорный слуга (фамилия, имя, отчество) взял на себя смелость... не извольте гневаться...» и т.д. А в конце непременно дописывали «целую»... Потом приходили за ответом – интересно ведь было узнать реакцию начальства!.. Что вы думаете? Под нашим «целую» очень часто стояла резолюция «одобряю», или «разрешаю», или «не возражаю»... А на одной объяснительной, после всё того же «целую», было написано: «Ладно, но чтоб в последний раз!»

В универе этот номер не проходил только с учебной частью. Заполняя экзаменационные или зачётные ведомости, в колонке «оценка о сдаче экзамена (зачёта)», мы могли написать: «в глаза этого студента не видели!», или: «уехала на постоянное место жительства в Израиль!», или: «уже несколько месяцев тщетно его разыскиваем!»... Но учебной частью все ведомости внимательно прочитывались, потом нас вызывали и, повеселившись вволю, заставляли всё это переписывать...

Моя преподавательская деятельность в универе началась с категорической отмены догм и традиций совкового периода, которые, по моему глубокому убеждению, отравляли студентам их лучшие годы жизни.

У меня свои методы борьбы с пережитками прошлого.

Всю свою школьно-студенческую жизнь я никак не мог понять – что это за дурацкая привычка: при появлении одного человека (учителя, профессора, ректора, президента, заместителя Мессии по делам внешних сношений – не важно) тридцать других должны встать, как по команде. С какой радости, я вас спрашиваю? Дань уважения? Ну, во-первых, уважение человека к человеку проявляется совсем в других вещах, настолько общеизвестных, что об этом неловко напоминать (тем, кто не помнит, полезно почитать Библию, хотя бы Десять Заповедей!). Во-вторых, как сказала бы моя тётя Роза, ой, шо вы говорите? Противно слушать! Перестаньте *так* сказать!.. Какое уважение? Многих преподавателей ученики и студенты терпеть не могут и ждут - не дождутся, когда те уже куда-то уйдут. А ведь среди них, моих коллег, очень одарённые попадались! Которым не нравилось, например, что их ученики встают не одновременно, вяло, без нужного почтения... Вот и отрабатывал такой, с позволения сказать *пидагог*, навыки дружного подъёма-вставания пол урока.

С одним таким бывшим офицером, только уволившимся из армии, в студенческие годы у меня разразился конфликт. В аудитории, где все были девушки, кроме одного юноши – меня, этот бывший майор Советской Армии решил устроить на своей лекции тренинг «сели-встали». А во мне ещё были очень живы воспоминания о собственной службе... В общем, я напомнил ему, на всякий случай, что мы не в казарме. А на очередной его приказ «сесть-встать-молчать» осведомился, почему он, например, не предложит нам поползть по-пластунски под партами. «Саботаж! – заорал на меня препод. - Вон из класса!» - в его голосе командные нотки спорили с истеричными. «И не подумаю», - как мог спокойно ответил я. «Тогда я уйду!» - истеричные нотки взяли верх над командными. Я бодро кивнул: «Это правильно, товарищ майор. Пусть вместо вас придёт преподаватель». «Идём выйдем, - заскрежетал он зубами. – Я расскажу тебе, кто здесь

преподаватель!» Я пожал плечами и направился к выходу. Мне даже интересны были его дальнейшие действия. Подойдя к двери, я увидел, что наш майор-отставник остался стоять на месте. Я вопросительно посмотрел на него. «Вон!!!» - заорал он. «А вы?» - удивлённо спросил я. «Ты срываешь урок! – заверещал он, не помня себя. – Я напишу докладную декану... ректору...» «А вот после этого вы не только не преподаватель, но и не мужчина!» - с этими словами я вернулся и сел на место. Это был один из тех редких моментов моей жизни, когда я чувствовал устойчивое желание съездить по физиономии...

Наш «фельдфебель» вылетел из класса. Потом меня вызвал декан. И хоть со мной провели беседу, заставили написать объяснительную, у меня сложилось чёткое ощущение, что это тот самый один случай из ста, когда даже наш декан Мороз был на стороне студентов. А через месяц нам поменяли майора на преподавателя.

Первым делом, я предложил своим студентам не вставать при моём появлении. Сказал, что у нас один общий интерес – к ивриту. И чем меньше у нас будет условностей, ставящих нас в строго очерченные рамки «ученик-учитель», тем будет лучше и проще. Далее, я сказал, что зовут меня Володя. И, поскольку в иврите не принято обращение к одному человеку во множественном числе, то есть на «вы», предложил самым смелым говорить мне «ты». Абсолютное большинство из них ко второму-третьему курсу переходило со мной на «ты».

Всех своих студентов я называл по имени. Списки отсутствующих они вели сами. Я сразу предупредил, что посещать мои занятия или нет - добровольное дело каждого. Но при этом заметил, что не знаю ещё ни одного случая, когда бы человек самостоятельно мог выучить иностранный язык.

Студенты были, естественно, разные. И большинству иврит не был нужен. Но уроки проходили обычно шумно и интересно. Особенно любили наши с Шимиком совместные занятия. Когда в большую аудиторию мы собирали две группы. Шимик писал, я рассказывал. Мы дополняли друг друга шутками, случаями из жизни, тут же развязывали им языки на иврите... Так начитка нудного и тяжёлого грамматического материала превращалась у нас в интересную и незабываемую лекцию, шоу двух

актёров.

Мы праздновали дни рождения, выезжали на природу, ездили на экскурсии, ходили в синагогу на еврейские праздники, играли в футбол в Гидропарке, студенты приглашали нас к себе... При этом не нарушалась никоим образом субординация: после любой совместной вечеринки с брудершафтами, после любого футбольного матча, после любой поездки, если на следующий день был иврит, я вызывал их, без всяких скидок и поблажек, безжалостно лепил «двойки» тем, кто их заслужил. И они, в большинстве своём, не обижались. Я с самого начала предупреждал: вы мне очень симпатичны, интересны, и я буду рад, если мы подружимся. Но всё это *не имеет ничего общего* с занятиями в универе. И вы должны знать, что наше совместное времяпрепровождение – не повод для вас на следующий день прийти неподготовленными к занятиям.

Как-то во время урока нагрянула к нам проверка из учебной части. Тема, которую мы тогда проходили, называлась «В ресторане». Согласитесь, трудно всегда что-то изучать теоретически, если есть возможность попробовать на практике... А тут – такая тема, сам Б-г велел! Составили мы со студентами заранее меню, ввели только ограничение на спиртное (кроме бутылки сухого вина – ничего). Принесли все продукты в аудиторию, расставили и накрыли столы, меню записали на иврите. Потом рассадили всех по парам, выбрали официантов, которые должны были принять заказ у каждой пары – естественно, тоже на иврите. А когда всё это сделали, осталось только всё приготовленное торжественно поглотить.

...а ну-ка, догадайтесь, когда пришла проверка из учебной части? Правильно, не тогда, когда на иврите составляли меню, и не тогда, когда репетировали заказы, и даже не тогда, когда официанты эти заказы принимали! А именно тогда, когда сидели и ели! Еврейское счастье, что тут сказать...

Оправдываться вообще не в моих привычках. Тем более тут, когда криминала никакого не было. Рассказывать же и объяснять основные принципы собственной методики – слишком долго; доесть бы, пожалуй, до конца лекции не успели... Поэтому ничего лучшего для заведующей учебной частью и её свиты я не придумал, чем:

- Прошу всех к столу... присоединяйтесь к нам, угощайтесь...

Текст объяснительной по поводу «торжественного обеда» на своём уроке привожу дословно:

*Заместителю ректора по учебно-воспитательной работе Финину Г.С
Старшего препода иврита кафедры восточных языков Сапиро В.Л.*

Объяснительная записка

Милостивый наш государь, Георгий свет Семёныч!

Давеча днём, пребывая в здравом уме и трезвой памяти, Ваш покорный слуга, без Вашего на то ведома и глубочайшего волеизволения, осмелился дать обед в честь уважаемых сотрудников высокочтимой нашей учебной части, да благословит её Господь!

Сим извещаю Вас, милостивый наш государь, что стол ломился от яств, приобретённых на скромные денежные сбережения студентов и мои личные средства, дабы укрепить и органически усвоить полученные студентами знания по теме «Ресторация».

Во время нашего скромного товарищеского пиршества на столе были: шпроты в масле (1 банка); сайра и мойва в соусе томатном (1 банка); огурчики маринованные «Неженские» (1 банка); сыр плавленый «Янтарь» (1 упаковка); сыр «Голландский» резанный (300 грамм); яблоки сорта «Белый налив» (500 грамм); печенье сливочное «До чаю» (400 грамм); вино сухое креплёное «Каберне» (крепость 11, 5%; 0,7литра); вода минеральная «Куюльник» (2 литра).

Смею Вас заверить, глубокоуважаемый наш государь Георгий свет Семёныч, что все присутствующие в зале были господами весьма достойными и прилежными, чем заслужили высшую оценку по вышеупомянутому зачётному занятию.

Смею также предположить, что, узнав о нашем нетрадиционно проведенном занятии, Вы не будете оскорблены в лучших чувствах, не изволите гневаться и не держите на нас обиду, злость, либо камня за пазухой.

За сим, не смея отрывать Вас более от важных государственных дел и дум, низко Вам кланяюсь и бью челом.

Искренне Ваш, покорный слуга

Володя сын Леонида, из сословия Сапиро.

Дата, подпись.

Постскриптум: Целую!

Резолюция начальства:

Не возражаю; инцидент исчерпан. Но о подобных мероприятиях впредь информируйте заранее.

Дата. Подпись.

Во время урока ко мне в аудиторию примчались старшекурсники, бывшие мои студенты:

- Извините, можно вас на минутку?

Выхожу за дверь, смотрю - а с ними истерика.

- Володя... ты извини, что во время урока... тут такое... просто сдохнуть можно!..

Ну и рассказали. Предмет у них на философском факультете был – «Философия иудаизма». Читал профессор, доктор философских наук. Как преподаватель, правда, по отзывам студентов, нудноватый. Но безвредный, в общем-то. Поэтому посещаемость у него была сравнительно неплохая. Но поскольку лекции были скучны, каждый занимался в аудитории своими делами. Однако, в тот день на лекции он *такое* выдал, что народ встrepенулcя, даже спящие проснулись, и тут же кинулись записывать. А потом некоторые просто до перерыва досидеть не могли и ринулись поделиться со мной.

Вот она, эта замечательная фраза профессора философии на лекции по курсу «Философия иудаизма»:

«Классический хасидизм вошёл полноправным членом в лоно ортодоксального иудаизма»...

Ну что, представили картинку? ☺ ☺ ☺

25

Лена Школьная, она же Жирафа, училась в 3-м «Б» классе моей незабвенной школы, той самой, в которой я проходил первую в своей жизни педпрактику. На выпускном вечере их класса, куда меня пригласили ребята, она случайно узнала о том, что я преподаю иврит. Узнала и – загорелась. На следующий день я привёл Жирафу в ульпан, в группу, прозанимавшуюся около месяца. За каких-то пару недель Жирафа догнала группу, а ещё через месяц перешла в группу, более высокую по уровню. Так и училась, то и дело перескакивая из группы в группу. А через пол года

в ульпане ей уже делать было нечего. Поехала Жирафа по полуторамесячной учебной программе в Иерусалим, и вернулась оттуда – если не асом в иврите, то что-то около того. Пошла и дальше по моим стопам – поступила в педагогический. Правда, на английскую филологию.

Странные у нас с ней сложились отношения. С одной стороны, близкие и доверительные, а с другой – ссорились, на ровном месте. Я, обычно вполне корректный и выдержанный – с девушками, по крайней мере, - сам удивлялся собственному недержанию внутреннего содержания.

- Сапирьч, я тебя обожаю! – кричала безбашенная Жирафа на всю улицу, и при этом прыгала мне на шею и просто начинала душить.

Ей это было не трудно – мы практически одного роста. А ещё учтите, что руки у меня были вечно заняты сумкой и магнитофоном, который я таскал с собой, с универа на курсы и обратно. И происходило это обычно возле дверей универа, куда она приезжала поболтать со мной, так проявляя первую радость от встречи. Хорошенькая у меня могла быть репутация, если это видели студенты или коллеги.

- Жирафа, - говорил я со страдальческим лицом, слабо пытаюсь отбиться магнитофоном, а вместо этого безжалостно себя колошматил этим магнитофоном по ногам. – Ну, я тебя умоляю: не надо меня обожать! Пожалуйста, сделай одолжение! Ради любви ко мне и ради всего святого! Перестань уже обожать меня под конец рабочего дня!

Жирафа сопела, обижалась:

- Да, как же! Очень нужно! Терпеть тебя не могу!

- Жирафа! – расцветал я в радостной улыбке. – Спасибо! Вот за это я тебя обожаю!

После моей последней неосторожной фразы к ней возвращалось былое присутствие духа, и она опять готова была утопить меня в своих объятиях... Тогда портилось настроение у меня, я опять говорил ей какую-то гадость, и всё повторялось...

И всё-таки, мы дружили. Когда виделись часто, не знали, куда друг от друга деться, потому что успевали разругаться начисто. А стоило пару дней не пообщаться, как чего-то в жизни начинало не доставать.

У Жирафы была одна, на мой взгляд, странная привычка: в поход с ночёвкой, в институт, в музей или театр она надевала одни и те же старые

засаленные джинсы, с дырами и заплатами на всех мыслимых и немыслимых местах. Я однажды осторожно спросил, являются ли эти джинсы единственным предметом её гардероба, и она ответила с широко раскрытыми от удивления глазами: нет, конечно! Просто так – прикольно...

Как-то в универе понадобилось заменить преподавателя иврита. Шимик заболел, другие наши коллеги были заняты... Выхода не было – пришлось обратиться к Жирафе, которая к тому времени уже работала переводчицей. Но, памятуя о её привычке всюду натягивать свои старые джинсы, я в ультимативной форме предупредил:

- Придёшь в универ в своих джинсах – не пуцу на урок!

Во мне говорила моя «чистоплотность» - человек, которого я привёл на замену, не должен выглядеть шмаровозником из подворотни. А Жирафе и так было неполных 17 (она в школу пошла в 6 лет), да ещё в таком прикиде!

Для неё это был настоящий шантаж. Потому что она сама в то время страшно мечтала преподавать иврит. А, с другой стороны, как это? – чтобы кто-то ей указывал, что ей одевать?!

Ну, и припёрлась Жирафа в этих джинсах. Я её никуда не пустил, сказал всё, что думаю о ней и о её одеянии, и в результате поплелась бедная девочка в ближайший дворик – переодеваться в юбку, которую так захватила с собой...

...а потом, после урока, поделившись радостью от общения со студентами и от своей новой роли, вдруг накинулась на меня с кулаками и со слезами в глазах, обзывая тираном и деспотом.

Сейчас Жирафа – профессиональная переводчица, мать двоих детей. И, хоть мы живём в одном городе, очень редко видимся из-за разных жизненных обстоятельств. И это жаль.

Жирафка, если ты всё ещё на меня сердишься, прости мне ту дурацкую выходку с твоим переодеванием, ладно? Я не со зла, честное слово. Просто в чём-то был, наверное, чересчур правильным...

26

Если бы у меня была такая возможность, я бы обязательно побывал вместе с Даником на удивительном острове Гала. Где главным запретом для каждой уважающей себя девушки является совместная трапеза с

мужчиной. А самое тяжкое преступление, практически изнасилование, - если мужчина пытается кормить девушку, вопреки её воле. За это же «насильника» ожидает жесточайшая кара – высшая мера наказания по законам острова – купание в бассейне с крокодилами.

Ещё я мечтаю съездить в Ритванию, страну, где у слова «любовь» есть целых 74 варианта перевода, каждый из которых имеет разное оттеночное значение. Я очень хочу побывать в столице этой страны Сокелау. Встретиться с Чёрной Прядьё, полюбезничать со Стройной Ланью, потолковать с Добрым Пуделем... А правда, что у пуделей добрые глаза. Я это особенно отчётливо понимаю, когда смотрю в самые добрые глаза моего самого лучшего пуделя Шека...

Впрочем, Даник мне как-то признался, что Добрый Пудель – это я; в своих «Записках о Ритванском» он дал мне такой псевдоним...

Мы бы вместе выучили ритванский язык – «один из индейских языков алгонкино-мосанской макросемьи», и общались бы на этом, понятном только нам двоим языке. Нет, ладно, с нами вместе его бы ещё выучила Юля, жена Даника.

Но Даник и Юля не могли выучить в то время ритванский. Потому что они изучали иврит. А Даник писал необычные рассказы про остров Гала и Ритванию, писал много других интересных вещей. Я часто перечитываю его книгу.

Сначала я познакомился с Юлей, когда она пришла ко мне учиться в ульпан. Потом очень удивился, узнав, что она – не выпускница школы, как я предполагал, а взрослая женщина, с мужем и двумя сыновьями. Мы ещё к тому времени не успели сдружиться, но я – сам не понимаю, почему – захотел познакомиться с её мужем.

И тогда в моей жизни появился Даник...

Даник тоже был любителем разных историй. Он их коллекционировал и с удовольствием рассказывал. Многие из них увидели свет в изданной книге его рассказов и стихов. Но есть такие, которые никуда не вошли. И больше никуда не войдут... Поэтому я расскажу их вам.

...Даник в студенческие годы поехал в стройотряд. Приехали на место, поселились в бараке, по три человека в комнате. На каждой комнате написали фамилии её временных жильцов. Расселяло начальство, то есть

состав каждой комнаты подбирался стихийно. В состав одной из комнат вошли: Померанец (Даник), Погребняк и Могила...

...У Даника была родственница – Чернобыльская Алла Семёновна. В 1986 году, как раз после взрыва на Чернобыльской АЭС, она пришла в регистратуру своей поликлиники за карточкой. В регистратуре её спрашивают:

- Фамилия и инициалы?

По привычке бедная женщина говорит:

- Чернобыльская А. эС.

Из окошка высунулось злобная шипящая физиономия служащей:

- Издеваетесь, значит, да?!!!

...У Даника с Юлей в подъезде часто не было света. А на панели лифта с правой стороны – кнопка вызова лифта, с левой – кнопка вызова диспетчера. Как-то Даник в темноте перепутал кнопки. Вот стоит он, ждёт лифт... Вдруг, прямо над ухом, в темноте, хриплый голос:

- Я вас слушаю!

Не растерявшись, Даник вежливо попросил:

- Будьте добры, лифт на первый этаж. На ближайшее время, если можно...

Побывали мы как-то вместе в Одессе – я, Шимик, Юля и Даник. Там в центре, на Дерибассовской, было такое вполне приличное заведение – «Країна смажених курчат» называется. Понравилось нам там – девушки симпатичные и вежливые, ассортимент и качество еды очень даже. Попросили мы книгу отзывов, решили что-то приятное написать.

Я предлагаю:

- Давайте в стихах!

- Давай! – соглашается Даник. – Только, чур, ты первую строчку придумываешь, а я дальше зарифмую!

- В країні смажених курчат... – задумчиво затулю я, как песню.

- ...я б перемацав всіх дівчат! – тут же бодро закончил Даник.

...А то едем в их машине на дачу, к одной нашей общей знакомой. Проводником был я. Хотя, какой из меня проводник – я даже полупроводником быть не могу... С моим-то топографическим кретинизмом! Я знал неплохо дорогу от электрички, но Даник настоял ехать на машине. И вот «приехали»: стоим, за окнами – лес, смеркается...

куда двигаться дальше, я понятия не имею. И спросить, конечно, не у кого. И тут мудрый Даник изрёк:

- Ничего, - говорит. – *Лучше не туда ехать, чем туда идти!..*

...Даник был из той редкой породы людей, которые просто не знали выражения «пасть духом». Более того, для всех, кто пытался это сделать, он всегда как-то без проблем находил нужные слова и смыслы. В компаниях друзей на Даника молились, потому что он был их душой, организатором, заводилой. И ещё. Даник был безотказным. Для всех и всегда. Он не претендовал на роль волшебника, - просто делал для окружающих, что мог. Всё, что мог. И даже чуть больше...

Даник *был*... И от этого слова в горле ком и трудно дышать. Потому что все мы, его друзья, знали, что он есть. И так больно-больно произносить это «был»...

27

...я на минутку задумался о жизни. О том, как она дрючит нас и в хвост, и в гриву. О том, что мы всегда уступаем всяким засранцам из-за того, что «не стоит связываться»...

Этгар Керет

И было, на мой взгляд, ещё одно звено в этой цепи. *Он*. Возможно, я ошибаюсь. Но мне так кажется. Мне не дано об этом узнать никогда.

Наша с Шимиком универовская жизнь кипела, бурлила на полную катушку. Только что закончили писать учебное пособие по ивриту, получили на него сразу два грифа: Министерства Среднего и Высшего образования. Участвовали в съёмках еженедельной телепередачи «Шалом, Киев!» Наша рубрика называлась «Иврит бы я выучил только за то...» И, хоть десять минут в неделю, а всё равно приятно – нас уже начали узнавать на улице... Перевели на иврит и озвучили документальный фильм об универе.

Кстати, в этом фильме был один казус. Шимик за кадром проникновенно рассказывает о еврейской культуре и традициях, о том, как сильны эти традиции в нашем универе... В это время идёт демонстрация фрагмента моего урока, и в слова Шимикиа вклинивается мой вопрос на

иврите, обращённый к аудитории, напрочь вырванный из контекста урока (так уж получилось! – ни режиссёр, ни оператор иврит не знали!): «Почему Ицик приглашает в ресторан Шмулика, а не девушку?»

По многим украинским телеканалам прошла реклама нашего универа, где ректора показали всего один раз, а меня – дважды!!

И вместе со всем этим – уроки, праздники, экскурсии, походы, футбольные матчи... И - жизнь, жизнь, жизнь, до краёв наполненная событиями жизнь, со всеми её изгибами и зигзагами...

Он появился в универе как-то незаметно. Ходил, со всеми заговаривал, всем интересовался, лекции читал. Лекции, действительно, были захватывающе интересными – ничуть не хуже той, прочитанной им в ульпане «Акива». Потом *ему* придумали должность – проректор по кадрам. И *он* начал собирать нас, преподавательский состав, и рассказывать нам, каким *он* видит универ в будущем. Идеи *его* были заманчивы и грандиозны, а планы и проекты – радужны, как сны Веры Павловны у Чернышевского... Особенно нам с Шимиком нравился *его* пилотный проект иврита, который, по *его* словам, должно были возглавить мы, как самые-самые.

Но однажды...

Это была наша очередная совместная лекция по грамматике. Это была первая лекция за всю нашу практику, на которой никто не смеялся. Даже не улыбнулся никто.

- Что, - спрашиваю огорчённо, - замучили вы вас грамматикой?

- Да нет, - говорят нам студенты, - всё нормально.

В общем, не клеилось как-то. И под занавес, чтобы хоть как-то растормозить вялую аудиторию, начали им рассказывать, что в следующем году планируем приступить к озвучке фильма «Ирония судьбы или С лёгким паром!» - фильма, который мы с моей предыдущей группой на иврит перевели. Настоящий дубляж, в профессиональных условиях!

А они в ответ - ой, как весело, щас заплачем от радости!

- Да что случилось, в конце-то концов? – спрашиваем.

- А вы, вроде, и не знаете? – был ответ.

Короче, без отступлений: пару человек из группы случайно подслушали беседу между *ним* и завкафедрой философии, где прямым

текстом было сказано, что Шимон и Володя со следующего года в универе не работают. Точка.

После урока мы пошли к завкафедрой философии. Так, мол, и так. Прослышали про ваш с *ним* разговор, не важно, от кого. Что это? Откуда ветер дует? А она отворачивается, глаза прячет. Ничего, говорит, не знаю. Идите к *нему*, выясняйте. *Он* теперь ответственное лицо по кадрам.

Пришли к *нему*. Вежливый такой, обрадовался вроде как нашему приходу, усадил. Чай предложил, печенье, - прямо кормилец и поилец. Только что не расцеловал. Мы у *него*, без длинных предисловий, спрашиваем, а скажите, правда, что говорят...

- Да, правда. Я перед вами юлить не стану... - а у самого глазки-то бегают! - до меня тут слухи дошли о неортодоксальных методах обучения на ваших занятиях... Это непозволительно в ВУЗе.

- ???

- ...и ещё. Преподаватели вы неплохие, старательные. Но до университетского уровня не дотягиваете. Слабоваты. Харизмы маловато. Мастерства. Таково моё мнение. - (Шимик в этом месте психанул и дверью хлопнул. А я остался – решил дослушать всё до конца...). - Я чувствую себя футбольным тренером, который даёт возможность всем поиграть. Вот вы не оправдали моего доверия, так что в следующем году посидите на скамейке запасных. А я дам возможность поиграть другим, более сильным и мастеровитым. Часы не обещаю. Часы будем распределять по остаточному принципу: сначала всё, что смогут, возьмут новые преподаватели. А если от чего-то откажутся – глядишь, и вам чуток перепадёт...

У меня потемнело в глазах. Это я слаб. Это я не дотягиваю. Я, у которого в рейтинге студентов один из самых высоких показателей среди преподавателей универа. У которого и в ульпане, и в универе на занятиях обычно яблоку негде упасть. Это у меня харизмы маловато. Который публику на любом празднике заводит с пол оборота. В группы ульпана к которому люди приезжают из других городов, записываются и ждут своей очереди, иногда по несколько месяцев. Это у меня маловато мастерства.

В воспалённом мозгу в одно мгновение пронесли мысли о студентах, которые придут в наши аудитории, но без нас, и о том, что нас вышвырнули. Просто так. Абсолютно безнаказанно, потому что кому-то так

удобнее. Что *он* может знать о нашей методике и наших уроках, если *он* на них ни разу не был? Что *он* может знать о мотивации нашей работы в этом универе, платившем нам гроши?

В тот момент правильнее всего, наверное, было бы запустить в *него* чем-то тяжёлым. Но я хоть и служил в стройбате, а бить людей всё равно не научился... Даже таких, как *он*...

Я поймал на секунду *его* бегающий взгляд и как мог спокойно сказал:

- Если вы чувствуете себя футбольным тренером, то я себя чувствую Зинеддином Зиданом. Знаете, как далеко Зидан послал бы тренера, хотя бы заикнувшегося о том, чтобы он присел на скамейку запасных?..

...на нашем этаже я отыскал Шимика, и мы пошли к ректору. С ректором мы были всегда, что называется, на короткой ноге. Ректор при любом удобном случае подчёркивал, как ему повезло, что мы работаем с ним. Он даже не говорил «у меня» - он всегда говорил «со мной».

Я рассказал ректору про беседу с *ним*, про историю с нашим увольнением.

- Нет, скажите мне, - негодовал я.- Кто *он* здесь такой?!

- *Он* – проректор по кадрам, - сказал ректор, отводя глаза. В тот день они все отводили глаза. – *Он* отвечает за подбор профессорско-преподавательского состава.

- Всё это понятно. Но кто *он* такой, чтобы без году неделя тут работая, не посетив ни единого нашего занятия, за нашей спиной распустить сплетни о нашем низком профессиональном уровне, и вот так, на ровном месте, взять и уволить! Я понимаю так: не *он* нас принимал на работу, не *ему* и увольнять.

Ректор явно думал, взвешивал, подбирая слова...

- Мужики, - вдруг тихо и как-то совсем по-домашнему сказал он. – А на хрена вообще вам сдался этот универ? Вы что, работу себе не найдёте? С вашим-то багажом...

Я бодро шагал домой. Мне было смешно, я даже похихикивал. То, что потом будет больно, и *как* будет больно, я знал. Но это будет потом. Защитная реакция организма продолжала действовать – пока я на улице, на виду. А всё остальное случится дома. Когда захочется выть от безумного

одинокства – не возникшего из-за «Встречай, учи и снова расставайся», а из-за какого-то, отдельно взятого... который безнаказанно взял на себя право вершить судьбы других...

Я знал: приду и позвоню Юле. Она только что прилетела из Израиля на пару недель. Пару замечательных недель будет у нас... Вот куплю сегодня банку красной икры, батон с маслом, шоколадки и «Колу» - наш любимый набор, завалюсь к ней, расскажу обо всём. А потом буду слушать её бесконечные задушевные истории, посмотрим фотки. Будет играть чудесная тихая музыка... Может, новую книгу Даника Юля мне привезла...

Дома трезвонил телефон.

- Шалом, ялди́ (мальчик мой)! Говорит Я́ффа!

Могла бы и не представляться; так называет меня только она.

- Да, привет! Я тебя узнал...

Я́ффа звонила сама только в самых неординарных случаях, обычно она поручала это дело кому-т из секретарей...

- Слушай меня внимательно. Завтра к нам приезжает генерал Армии Израиля. - Срочно собери завтра группу к 9-ти утра. Срочно!!! Учти, никакие отговорки я не принимаю. Сильные группы в этом году только у тебя и у Шимики, ты же знаешь. Но Шимик будет носиться с генералом по городу; у него это хорошо получается... А ты чтобы на ушах завтра стоял, понял? Генерал должен оргазмировать фейерверками от восторга! Иначе останемся без бюджета. Да, и чтобы группа была человек 20, не меньше!..

Я позвонил Юле, а мне ответил абсолютно чужой голос. Я попросил Юлю к телефону.

- Это я... - сдавленно ответил чужой голос.

- Юлька, ты? Случилось что-нибудь?

- Случилось... Мне звонили из дому... Сегодня Даник умер...

Он умер так же просто, как жил. Ничего не осложняя и никого не утруждая. Побегал вечером, после работы, помогать каким-то очередным друзьям. Потом вернулся домой за полночь, как всегда, в хорошем настроении, с шутками-прибаутками. А утром не проснулся.

А потом... Срочный обмен билетов... ночь... Юля в полубессознательно-полуобморочном состоянии, проливной дождь в аэропорту «Борисполь»... и в шесть утра новый звонок от Я́ффы:

- Ялді! Ты мне нужен сегодня живой или мёртвый! На уроке – живой и харизматичный, чтобы пар из задницы шёл! После урока – как хочешь! И через два часа чтобы у меня!..

- Яффа, я, кажется, не...

- Плевать! Плевать на всё!!! Ты слышал, что я сказала. И все разговоры потом. Слушай, в этот раз я не шучу. Точно не шучу!..

28

Не могу понять, что происходит. Как тяжело, оказывается, жить в своём замкнутом пространстве, чувствовать себя бессловесным слугой отчаяния собственной души. Одни говорят «осенняя депрессия», другие называют это хандрой, третьи – слабостью, с которой непременно нужно бороться.

А я? Чего хочется мне? Плюнуть на все запреты и условности, позвонить среди ночи кому-то очень близкому и дорогому. И сказать просто: «Мне плохо. Я устал жить. Я не могу больше так. Я не знаю, как иначе. Приди. Сейчас. Пожалуйста...» И вместо ответа – короткие гудки моей души, как антисигналы в пространство, антипозывные. «Не трогайте меня. Не прикасайтесь. Если этот путь – страданий и бесконечного отчаяния – мой, я пройду его сам. От начала и до той отметины, за которой только полное ничего».

Судьба и Жизнь так распорядились. Глаза излучали свет и тепло, руки были открыты для объятий, сердце пылало от бесконечно нежной любви. И что? Судьба рассмеялась в лицо, Жизнь отхлестала наотмашь. Если вдуматься, это лишь эпизод, один из многих. Только почему-то в этот раз так обидно и больно, как не было ещё никогда.

Почему? За что? И зачем – именно со мной? Разве мало того, что было?

Я не нахожу ответы. Я опять мечусь. И ещё – холодно. Холодно жить. И всё время хочется спать. Чтобы не думать.

А утром и вечером бравый артист выходит на подмости, освещённые яркими прожекторами. Улыбается, шутит, счастливо смеётся. Так, как уже давно не смеялся в реальной жизни. И сидящие в зале люди принимают его тепло и восторженно. И десятки пар глаз светятся добром и любовью. Для них он – воплощение жизнеутверждающих идей – Любви,

Добра и Улыбок. И это оказывается совсем-совсем нетрудно, что вы! Маска добродушного, уверенного в себе лицемерия – одна из самых легко прикрывающих истерзанную сущность артиста.

Шут, лицедей, мастер разговорного жанра, кто там ещё? Психолог и учитель «от бога», методист-интуит... И – неисправимый, незадачливый романтик, бездумно прожигаящий дни в едкой копоти неисцелимой печали, человек, не ведающий, как и зачем ему дальше жить... Чем не ирония судьбы?..

29

Итак, Ваш выход, Маэстро.
Сегодня не будет оваций.
На Вас нет парадного смокинга,
не слепят прожектора.
И публика в тесной комнатке
не жаждет зрелищ-сенсаций.
И всё-таки миг приближается...
Ваш выход, Маэстро. Пора!

И здесь коридор - не гримёрная,
и можно лишь отдышаться,
И дверь отворить с улыбкой
лёгким движеньем руки.
Ну, что ж ты медлишь, Маэстро?
Тебе ли впрямь волноваться?
По пять выступлений на день -
ведь сущие пустяки!

Да нет, тут другое. Постой-ка!
Полночных огней фиеста...
И ты - по безлюдным улицам
в объятиях темноты,
Ссутуленный и обречённый...
Куда ты бредёшь, Маэстро?
Какое-то наважденье...
А, может, то был не ты?

Не ты - той бессонной ночью
бежал через темь кварталов.
Не ты - на бетонной лестнице
рыдал, зарывшись в пальто.
И были холодными плиты,
и бил озноб, и усталость.
Но к счастью - ты слышишь - к счастью
тебя не видел никто.

Ты весь ещё в этой ночи.
Рука, запачкана мелом,
Дрожит сильнее, чем обычно
и губы тоже дрожат.
Иди, тебя ждут. Иди же!
Ну что мне с тобою делать??
Ловлю такой непривычный,
такой беспомощный взгляд...

Была тебе классная комната -
театр, святая обитель.
И столько восторженных взглядов,
когда проходил урок.
Ты жил, ты сверкал, ты помнил:
ты там не просто учитель,
Актёр, чародей, волшебник;
ты - больше. Ты - Мир. Ты - Бог!

И не было замешательства.
И не было ложной скромности.
Был тонкий канат, по которому
тебе своё сердце нести.
Почти что под самым куполом.
Почти что по невесомости.
И каждому улыбнуться.
И к каждому подойти.

И не было острой жалости,
а только - пыл и горение.
И все проблемы оставлены
на улице, у ворот.
Как будто двумя жил жизнями,
всем близким на изумление,
Одна из которых - эта,
другая же - подождёт.

И вместо аплодисментов,
восторженных криков "Браво!" -
Объятья, родные лица,
знакомства, встречи, друзья...
Скажи, что такое званья?
Скажи, что такое слава?
Как всё это, милый, меркнет
пред тем, что есть у тебя!

И, значит, наверное, нужно,
сдавлив свою боль до хруста,
Нести (как сказать, не знаю)
свой Маген Давид или Крест.
Но если ты это сделаешь,
как можешь лишь ты, искусно -
Себя почувствуешь минимум
взошедшим на Эверест.

Все ждут твоего появления.
И нет свободного места!
И вспомни бессмертного классика,
что вся наша жизнь - игра.
Лимит допустимой слабости
уже исчерпан, Маэстро!
Всё только ещё начинается.
Ты - лучший. Иди. Пора!..

По генералу можно было сверять часы. Он пришёл, как и ожидалось, в девять, в сопровождении свиты – сотрудников безопасности посольства, пресс атташе по культуре и нервно дёргающим себя за бороду Шимиком. Всю процессию возглавляла Яффа, с трясущимися руками и жалкой улыбкой.

Седой, небольшого роста, но подтянутый и стройный, он так не был похож на все эти сытые и весьма довольные собой физиономии проверяющих спонсоров, которые с завидной регулярностью появлялись в ульпане. Спонсорам демонстрировали нас, как демонстрируют в зоопарке редких экзотических животных. Они с безразличным любопытством на нас смотрели, добродушно улыбались, при этом отчаянно зевали, сморкались, закатывали глаза в потолок, и говорили одно и то же: «Ол Райт! Бьютифул! Вы так хорошо знаете иврит! Перфект!» В конце задавали неизменный вопрос: «Когда вы уедете в Израиль?» И, не получив вразумительного ответа, который интересовали их не больше, чем погода в Дар-Эс-Саламе, они поспешно уходили, памятуя про обед в ресторане, кивая на прощание: «Ол Райт! Бьютифул! Перфект!»

А генерал был другой. Он вежливо и тихо спросил: «Можно войти?» И, войдя, присел за первую парту, чтобы не мешать. Вся свита сгрудилась около генерала – так, что мне не нашлось место у доски.

- Нет, пожалуйста, не здесь! – сказал я, показывая, что меня же не видно классу.

Генерал встал на вытяжку.

- Да, конечно! А где можно?

- Вон там, - я указал на заднюю парту в третьем ряду.

Генерал послушно и быстро пересел. Свита суетливо и шумно последовала за ним. Яффа звучно скрежетала зубами на другом конце аудитории; стоматолог по ней плачет!

Час назад в своём кабинете она кричала:

- Экшн! Ялди́, мне нужен экшн! Ты же знаешь, ты умеешь... выроди, чёрт тебя подери, мне это урок!

И хотя я ей не возражал, кипятилась она всё больше и больше – шутка ли, впервые за всю историю ульпана такой высокий гость!..

Наш «экшн» назывался «Любовь с первого взгляда». Была это одна из любимых игр моих учеников всех времён. Смоделированная по правилам известной телепередачи, но адаптированная и упрощённая, она заключалась в следующем.

Ведущий (я) раздаёт участникам простенькие тесты, в которых 5 вопросов, и на каждый вопрос - 3 варианта ответов. Участники обводят кружочками свои варианты ответов, и в верхнем углу теста пишут «парень» или «девушка». Далее, по результатам тестов подбираются пары. Пары подбираются либо по одинаковым ответам, либо, наоборот, по противоположным – на усмотрение ведущего. Вызывается пара. Представители пары садятся в разных концах аудитории. Им задаются вопросы с несколькими вариантами ответов, за сходные ответы на которые они получают баллы (если вопрос к парню, девушка пишет свой вариант ответа; когда она написала ответ, парень произносит вслух свой вариант, и наоборот). Пара, набравшая наибольшее количество баллов, объявляется идеальной и получает приз.

Яффа попыталась, по своему обыкновению, давать ценные указания («Ялді, стань туда, сделай то, сформулируй задачу ещё раз...»), но быстро поняла, кто на моём уроке хозяин.

- О! – радостно воскликнул я. – У нас сегодня новая ученица? – указывая на мгновенно побелевшую от негодования Яффу.

- Ты говоришь на иврите? – под общий хохот аудитории громко восторгался я. – Перфект! Бьютифул! Где ты учила иврит, мотек? В киевском ульпане?

Ещё меня подмывало спросить голосом спонсора: «Когда ты уже уедешь в Израиль?», но вовремя спохватился, сообразив, что фраза может быть воспринята двояко.

Яффа с невероятным усилием растягивала уголки рта в улыбку. Её нездоровый блеск в глазах и ходящие ходуном желваки на скулах сулили мне много всего и сразу, но несколько позже, у неё в кабинете.

Я вручил ей тест, и в присутствии генерала она не посмела отказаться. Потом, сидя за игровым столом и, отвечая на вопросы игры в паре, она, вместо ответа, написала на листочке, продолжая натянуто-мило улыбаться: «Подожди, мерзавец! Потом поднимемся ко мне в кабинет, и я тебе такую любовь с первого раза устрою!..»

... В итоге «идеальной парой» оказались генерал с одной из моих

многочисленных «бабушек». Паре-победительнице был вручен суперприз: две конфеты «Коровка». Генерал сиял от счастья и сказал, что давно так не смеялся...

Я почувствовал, что на подведение итогов и дружеское застолье меня не хватит. Извинился и вышел, как бы на минутку. Сдерживая рыдания, еле добежал до туалета. Закрылся, включил воду... и так прорыдал под звуки текущей воды несколько часов. За дверью слышались чьи-то шаги, голоса... по-моему, кто-то пытался выламывать дверь. Но окружающая действительность навалилась на меня всей своей непомерно тяжёлой тушей, и я уже был не в состоянии её чувствовать, выдерживать, воспринимать ...

31

...я на минутку задумался о жизни... Я думал о том, что же меня останавливает сказать незнакомой девушке в автобусе, что она очень красивая, выйти с ней на остановке и купить ей цветы...

Этгар Керет

На Карловом мосту пронзительно звучал саксофон...

Какие странные и нестандартные ходы, приёмы и методы придумывает наш Режиссёр в этой непредсказуемой траги-коми-мелодраме, с коротким названием Жизнь!..

Мне нужно было жениться во второй раз для того, чтобы отыскать в мире уголок, к которому сердце стремится теперь всегда и неустанно. Мне нужно было жениться во второй раз для того, чтобы понять, как это больно – мучить другого человека тем, что ты такой, какой есть, и ничего с этим не можешь поделать... Из трёх лет нашей совместной жизни, по крайней мере два ушли на подготовку к расставанию...

...Я стоял на мосту, свесившись глядел в предвечерние мутные воды Влтавы. И всеми фибрами измученно-неприкаянной души чувствовал, как же я устал от одиночества...

Закат коснулся крыш. Распахнутое небо.
Луч солнца утонул в объятьях сонных крон.
Что это? - явь? мечта? Я был здесь или не был?
На Карловом мосту играет саксофон...

И после вечных драм, как после тяжелой битвы,
Поймёшь простую вещь: мелодия жива.
Ты лишь услышь её, Мелодию Молитвы,
И старые, как мир, волшебные слова.

«Я так тебя люблю!» В ответ шепнуть: «Я тоже!»
И подарить себя кому-то одному...
От грешной суеты храни меня, Мой Боже.
От мира без любви, который ни к чему.

И если вдруг унять тоску и горечь нечем,
И сердце грусть и боль сжимают в унисон,
Ты вспомни этот миг: сентябрьский пражский вечер.
На Карловом мосту играет саксофон...

2005 – 2006

Киев – Прага – Брно – Мюнхен – Киев